

ЧЁРТОВА
ДЮЖИНА

13

СТРАШНЫХ
ИСТОРИЙ

Александр Матюхин

**Чертова дюжина. 13
страшных историй**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Чертова дюжина. 13 страшных историй / А. А. Матюхин —
«Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-134987-5

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА – ежегодный конкурс страшных рассказов, который с 2013 года проводится вебзином Darker (лауреат премии «Еврокон», единственный в своем роде бесплатный электронный журнал о темном искусстве во всех его проявлениях). Именно этот конкурс открыл «дорогу в жизнь» многим авторам, ныне составляющим элиту современной русскоязычной литературы ужасов. В разные годы лауреатами и финалистами «Чертовой дюжины» становились сейчас уже не нуждающиеся в дополнительном представлении писатели, такие как Олег Кожин, Александр Матюхин, Максим Кабир, Александр Подольский, Владислав Женовский, Алексей Провоторов, Дмитрий Тихонов и многие другие. За эти годы десятки рассказов, участвовавших и добивавшихся успеха на конкурсе, были опубликованы в различных антологиях и авторских сборниках. Перед вами же – первая в истории «Чертовой дюжины» книга, целиком и полностью составленная из рассказов, участвовавших в одном конкурсе. Их, разумеется, ровным счетом тринадцать. Та самая пресловутая чертова дюжина.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-134987-5

© Матюхин А. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Дмитрий Костюкевич	7
Августа Титова	17
Дмитрий Лазарев	26
Оксана Ветловская	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Чертова дюжина

Составитель М. С. Парфенов

На обложке использована иллюстрация *Алексея Провоторова*

© Авторы, текст, 2020

© М. С. Парфенов, составление, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Дмитрий Костюкевич Шуга

* * *

Ивин надевает гидрокombинезон, натягивает маску и ласты. Коган вешает на спину Ивина баллоны, пристегивает сигнальный конец, закрепляет чугунный пояс, привязывает к руке товарища измерительную рейку, плоскогубцы, молоток. Желает удачи. Лицо Когана – пятнистое, коричневое от мороза, цвета промерзших яблок.

Ивин по-утиному выходит из заснеженной палатки и семенит к лунке, которую расчищали от успевшего нарасти льда. Шапюк как раз загребает проволочным сачком, вытрясает осколки на снег, затем распрямляется, становится рядом с Ивиным и хлопает его по плечу.

– Серега, как слышишь? – раздается в наушниках. Коган проверяет связь.

– Хорошо слышу, – отвечает Ивин. – Спускаюсь.

Рядом, повизгивая, крутится Пак. Красивый пес коричневой масти, названный в честь паковых льдов. Он тыкается лбом в ногу, затем задирает морду и смотрит на Ивина жалобно. Затылок Пака подрагивает, будто от боли.

Гидролог бросает взгляд на вздыбленные цепи торосов и ропаков – золотистые солнечные блики застыли над белым безмолвным миром – и погружается в прорубь.

Какое-то время свет его фонаря плещется в глубоком колодце, пробивается сквозь поднышающую шугу – рыхлую ледяную кашу, – затем вода в лунке чернеет. Ивин уходит под лед.

* * *

Под ним – черная океанская пропасть.

Вода обжимает костюм, шевелит резиновыми складками. Ивин скользит вниз, луч налобного фонаря упирается в бездонную тьму. Ивин поднимает голову и видит светлое пятно лунки. Начинает работать ластами – и пятно замирает, потом увеличивается.

Он парит среди острых вершин. Белые, голубые, черные затаившиеся в темноте горы – перевернутые, они нависают над аквалангистом. Ледяные ущелья вглядываются зеленоватыми вертикальными зрачками. Приходит мысль: «Храм. Подводный храм».

– Намутил ты, Серега, – говорит Коган по телефону. – Расчищать не успеваем.

Ивин приступает к работе.

– Первый – шестьдесят семь, – диктует в ларингофон. – Второй – тридцать два...

Придерживаясь ограждающего троса, Ивин плывет от репера к реперу: измеряет вмерзание или высвобождение стальных гвоздей. Диктует Когану.

– Третий – сорок один... Четвертый... – Он осматривает испод айсберга, подледный рельеф. – Четвертого не вижу.

Значит, выпал, когда стаял лед.

Плывет дальше.

– Пятый – двадцать девять... Шестой вмерз.

Дрейфующий остров заглотил штырь с биркой «б». Ивин вытаскивает его как длинный податливый зуб плоскогубцами. Перехватывает молоток и забивает репер в лед. Гулкий стук разносится по восьмиметровой толще льда. Ивин знает, что его слышат наверху.

Он роняет восьмой репер, и тот уходит на дно Ледовитого океана. Ивин смотрит вслед – на темную черточку, на точку, вглядывается в глубокую слежавшуюся тьму. Что упало, то пропало.

– Работаешь десять минут, – сообщает Коган.

Как быстро летит время в величественном подледном мире! Этот гармоничный мир, его перевернутые валы и гряды, языки и «бараньи лбы» снились Ивину по ночам. Иногда, открывая глаза, он лежал в темноте и сомневался, что все это существует где-то еще, помимо его воображения. Каждый раз – под водой – не покидало ощущение, что ты на другой планете.

– Подтяни фал, – просит Ивин.

Здесь, подо льдом, Ивин чувствует себя спокойнее, чем наверху, на связи, страхуя товарища, с обледеневшим фалом в руках. За того, кто погрузился, переживаешь сильнее, чем за себя. Напряжение выматывает. Мало ли что. Не в Черном море ведь ныряют. Если на глубине откажет аппарат – на остатках воздуха надо не просто выйти, а найти, *куда* всплыть.

На прошлой станции, год назад, Ивин услышал страшное: «Нет подачи воздуха». В наушниках хрипел голос ушедшего под лед товарища. Ивин налег на лебедку, тянул как мешок. Молил, чтобы товарищ не запаниковал, не начал дергаться. Паника – это кислородное голодание и потеря сознания. Это смерть. Обошлось: вытянул живого.

– Как самочувствие? – спрашивает Коган.

– Отлично.

Ивин медленно шевелит лапами. Продолжает обход плантации реперов.

Иногда отталкивается от купола и висит, как замоченный, под ледяными «облаками». Океан красит лед в бирюзовый и голубоватый оттенки.

Здесь как в космосе.

«Чудеса божьи изумления достойны» – так, кажется, сказал Александр Македонский после того, как его подняли в стеклянном колоколе, подводном аппарате, из Средиземного моря.

Вчера на станцию прилетели кинооператор с помощником из «Центрнаучфильма», собираются снимать кино о гидрологах, готовятся к первому погружению. Привезли с собой две камеры: тридцатипятимиллиметровую и шестнадцатимиллиметровую в специальном боксе Массарского – такой снимали «Человека-амфибию». Красивый получится фильм, уверен Ивин.

– Серега, хорошо слышишь? – спрашивает страхующий Коган.

– Хорошо. Ты трави сигналку. Не жадничай.

– А ты не спеши.

– Понял тебя. Не спешу.

Он плывет к следующему штырю. Здесь подошва айсберга едва холмистая: выступы сантиметров двадцать.

– Проверь фоторегистратор, – просит Коган. – Держат мои прокладки?

– Понял. Сделаю.

– Где ты сейчас?

– У тринадцатого датчика.

Ивин осматривает регистратор.

– Прокладки держат. Только немного заедает спуск... В остальном норма. Двигаю дальше.

– Работаешь полчаса.

– Так вот чего я проголодался.

– Скоро закругляться, Серега.

– Понял.

Ивин слышит далекий гул, будто ветер задувает в расселины, – это грохочут льды.

– Что за шум? – спрашивает Ивин. – Слышишь?

– Подвижки, – отвечает Коган. – Недалеко.

Ивин представляет, как приросшая к айсбергу льдина взрывается изнутри и у самого края начинают ползти, взбираясь одна на другую, льдины.

– Опасно?

– Нет. Мы нормально. Заканчивай, будем тебя поднимать.

– По...

Ивина неожиданно сдавливает в талии. Кто-то сильный и гибкий сжимает ноги. Гидролог опускает глаза и вздрагивает: его обвивает арктический спрут, еще неизвестный науке монстр. Свободные щупальца тянутся к маске, загубнику. Огромные льдистые глаза смотрят на Ивина.

Ноги стягивает обручем.

Ивин дергается изо всех сил, и осьминог тоже ворочается, выпускает из себя рой белых кристаллов. Становится темно, все заволакивает мелкими льдинками. Хватка не ослабевают.

Ивин больше не вырывается из объятий – подо льдом лучше не пороть горячку. Пока щупальца не захлестнули его руки, он тянется к ножу, одновременно пытаясь рассмотреть спрута. Обзор заслоняет рыхлая муть.

Шуга. Поднятый с глубин донный лед.

Он вывинчивает нож – один поворот, второй, третий...

– Серега, что у тебя?

...четвертый поворот, пятый... Нож высвобождается из футляра – и Ивин бьет осьминога.

Но монстра нет. Вокруг – лишь приставучая шуга. Ивин разгоняет ее рукой с ножом.

Страховочный фал, внутри которого пропущен телефонный провод, обвил ноги – Ивин запутался в тросе. Но это не все. Сигнальный конец натянут струной: зацепился.

– Серега? – волнуется Коган.

– Погоди. Тут заклинило.

– Что случилось?

Ивин плывет по заклинившему фалу. Фал провисает. Ивин видит причину.

– Ну как? – спрашивает Коган.

– Зажало. По фалу не вернусь.

– Спокойно, спокойно. Серега, у тебя воздуха на десять минут. Сейчас спустим мигалку.

Увидишь ее – отрезайся и выходи в запасную лунку.

– Понял.

Ивин смотрит на нож, но не спешит. Теперь у него есть запас троса для погружения. Где-то наверху парни – Шахнюк и Мартынец, гидробиолог из института океанологии, – бегут к запасной лунке, чтобы утопить в ней фонарь. Коган остается в палатке, в ухе Ивина.

– Видишь мигалку? – спрашивает Коган.

– Пока нет.

Ивин не поддается панике. Нужна ясная голова. Смотрит сквозь запотевшую маску на подошву льдины. Она давит, не хочет выпускать.

Успокойся.

– Теперь видишь?

– Нет.

Если замереть, то время остановится. Если замереть – не нужен будет воздух. Лед забудет о нем. Ивин прогоняет опасные дикие мысли.

– Выступ мешает. Опустись глубже.

Ивин уходит на глубину, поглядывая вверх, на изнанку льда. Высматривает мигающий свет – на глубине его не будут заслонять торосы. Он должен найти мигалку.

– Отошел? Видишь?

– Не вижу.

– Серега... опустишь ниже.

Ивин смотрит на глубиномер. Циферблат фосфоресцирует, как крошечная медуза. Выступ заканчивается, Ивин погружается – и вдруг видит пятнышко света: оно подмаргивает.

– Есть! Вижу мигалку!

Ивин примеряется ножом к страховке.

– Режу фал!

– Пошел! – кричит в наушниках Коган. – Достаю!

Кажется, Коган думает, что вытягивает его. Но сигнальный конец, как и прежде, зажат безжалостным льдом. Ивин не чувствует натяжения – никто не тащит его к лунке, свету, лицам друзей.

– Еще немного, Серега. Давай. Видим тебя...

Ивин перерезает фал – наушники замолкают. Нет времени слушать. О чем говорил Коган? Наверное, Шахнюк или Мартынцев увидел сквозь шугу свет опущенной в лунку мигалки или что-то еще – и подумал, что это всплывает Ивин... Нет времени, совсем нет времени. Скоро закончится кислород.

Ивин огибает торос и всплывает к мигалке.

Шахнюк и Мартынцев ждут его наверху. Он видит их сквозь толщу льда в своем воображении. Гидролог и гидробиолог сидят над запасной лункой: вода отливает свинцом – в ней кружат осколки ледяного сала. Ивин присматривается к напряженному лицу Шахнюка. Сосульки в окладистой бороде. Цепкие голубые глаза, в которых и экспедиции на ледоколах, и установка на океанском льду дрейфующих радиометеорологических станций, и подводное плавание. Рукодельный парень: если что, соберет снаряжение из подручных материалов – маску, трубку с шариком для пинг-понга вместо клапана...

У Ивина сдавливают в груди. Пальцы разжимаются, и нож медленно падает вниз.

Ивин смотрит на подмигивающий свет.

Это не мигалка. А лампочка, которую сорвало и унесло течением с полигона.

Это обман, галлюцинация. Потому что лампочка не должна мигать... не должна даже светить – кабель оборван и тянется за ней мертвым хвостиком.

Мираж гаснет и исчезает в рыхлом облачке. Шуга уносит его прочь.

Ивин находит рукой огрызок фала. Минуту назад он перерезал единственную связь с теми, кто наверху.

Но его нить Ариадны оборвана.

Надо найти мигалку. Снова погрузиться и посмотреть? Или возвратиться к торосу, где застрял сигнальный конец? Хватит ли у него воздуха?

Ивин парит под ледяной броней. Над океанской бездной.

Надо искать выход... надо...

Перед глазами колеблются волнистые стены. Застывшие подтеки. Валы, пещеры и гроты.

Ивин проверяет кислородный прибор. Он снова чувствует страх, концентрированный, спрессованный в белую вспышку, похожий на страх перед первым спуском.

Решает искать запасную лунку. Слышит, что идет торожение – если сожмет льдину, то лунка схлопнется.

Он разворачивается и плывет от выступа.

Шуга неприятно преобразила подводные хребты и впадины. В пятнах желтого света от фонаря нижняя поверхность айсберга перестает быть удивительно-привычной. Этот мир теперь существует в новых формах, играет ими, меняется.

Ивин плывет под бирюзовой долиной. По льду скользят переливы красок, но не смешиваются, не складываются в единый узор.

Луч фонаря шарит во мраке, выхватывает... дерево.

Ивин очень скучал по деревьям, по запаху леса, густому и живому. Но вмерзшее в айсберг дерево – мертво, одиноко. Оно переливается и ветвится в глубину. Пятиметровый коралл, слепленный холодом и течениями из тонких кристаллов. Хрупкое чудо. Удивительный мираж.

В любое другое время – только не сейчас.

Ивин оплывает дерево, не желая разрушить его случайным прикосновением – мираж тут же рассыплется, сгинет, – но через несколько метров оборачивается, чтобы взглянуть еще раз. Ему кажется, что он услышал коралловый звон.

На дереве, выросшем посреди долины, висят мертвые люди.

Дерево острое и твердое, как алмаз. Кристаллические ветви проткнули тела полярников насквозь, раскроили куртки и брюки. Начальник станции висит на самой вершине, лицом в бездну, нож-ветка торчит из его шеи под кадыком; начальник звал подводников «нырками». Ивин узнает радиоп физика, узнает радиста, узнает магнитолога... Волосы мертвецов развеваются, точно водоросли. Пустые глазницы смотрят на Ивина. Тот отворачивается и плывет дальше. Этого просто нет. *Этого просто нет.*

– Поднимайся, – слышит в наушниках.

Этого тоже нет.

Он перерезал фал.

Он один.

Но как же хочется верить...

– Рома, – онемевшими губами произносит Ивин, – ты?

Только на этой станции они с Романом Коганом совершили больше пятисот погружений. А ведь до этого были еще три станции. Тысячи часов под арктическими льдами. Когану всегда нравился риск. Альпинизм, горные лыжи, подводная охота. Работал спасателем в горах Кавказа. Боксировал и прыгал с парашютом. Одним из первых попросился в группу для работы на Северном полюсе.

Ивин смотрит сквозь лед и видит Когана, который опускает руку в лунку, шарит в шуге, и что-то вцепляется в эту ищущую руку и тянет...

Телефон молчит.

Он перерезал...

Ивин мотает головой, ищет взглядом мигалку и обмирает от страха.

Черными глазищами на него смотрит огромная голова с длинным крючковатым носом. Ивин медленно выдыхает. Выточенная водой скульптура теряет сходство с человеческой головой, но не до конца.

В воде светятся крупницы и бледные волокна льда. Такое бывает над станцией, когда летишь на самолете, но здесь, под водой? Шуга искрит в свете фонаря – уродливые города и лица.

Ивин чувствует пальцы, бегущие по позвоночнику, чувствует сквозь два шерстяных костюма и гидрокостюм жесткие прикосновения, которые исследуют его. Он разворачивается и видит что-то распадающееся, потерявшее форму всего мгновение назад. Перед ним плавает облако шуги.

Ивин уверен, что некоторое время назад это облако тянулось к нему чем-то похожим на когтистую лапу.

Он плывет дальше.

Вздрагивает, когда видит огонек. Мерцающий свет манит его в центр лабиринта.

Рваные зубцы и изогнутые складки. Глыбы подводного льда похожи на звериные головы. Ивин плывет по узкому коридору, слева и справа – мощные стены. Ивин осторожно работает ластами. Каждое движение дается с трудом – мешает не только сопротивление воды, но и усталость. Ледяные чешуйки трутся о гидрокombineзон, кружат у маски.

Ледяные дебри.

Под водой торосы кажутся выше поверхностных холмов. Они похожи на огромные паруса, поймавшие ветер. Но Ивину больше не кажется, что он в стране чудес. Он не чувствует себя капитаном Немо.

Он по-прежнему видит подмигивающий огонек, держит на него курс, но расстояние как будто не сокращается. Он боится потерять ориентиры, неверный свет.

Торосы словно парят в невесомости. Только задень – перевернутся, поплывут кувыркаясь. Он действительно касается вершины одной из гряд – и рука проваливается в ледяную вату. Торос распадается мутным облаком и закрывает далекий огонек, но на секунду Ивину кажется, что он сунул руку в пасть аллигатора с мягкими зубами. Шуга пробует жевать его кисть.

Перед глазами гидролога взволнованно снуют белесые кристаллы. Ивин перебирает руками в поднявшейся буче. Он должен выбраться, должен успеть, пока в аппарате есть воздух. Дорога каждая секунда, но он не спешит, плывет медленно – и мрак расступается, подводный лес остается позади.

Он поднимается к исподу льдины и пробует его руками, словно ищет потайную дверь. Перед лицом оказывается глубокая впадина.

Ивин загипнотизированно смотрит в лакуну. Сейчас оттуда вынырнет льдистая рука, сожмет его до хруста костей и заберет в темноту. Он видит этот жуткий образ секунду-две, а потом смаргивает. Водит «дворником» по маске – «снимает туман».

Соберись.

Даже если огонек – обман, он может выйти через разводье. Оно недалеко от запасной лунки: черная трещина, от которой идет пар, словно океан дышит полной грудью. Так, так... Он взял от плантации реперов вправо по выступу и, кажется, сильно не петлял... Разводье должно быть там, за подводным хребтом.

Ты в это веришь?

Даже если он ошибается, то уходящая в глубь океана стена, на которую он сейчас смотрит, вполне может быть вставшим на дыбы огромным обломком льдины, а значит, он рядом с разломом...

Ты в это веришь?

Ивин плывет к отвесной стене дрейфующего острова. Волнистая голубоватая поверхность уходит вниз.

Ивин спускается. Подносит к маске циферблат глубиномера.

Пятнадцать метров. Ледяная стена не кончается. Ивин вытягивает руку, скользит пальцами на льду, и сонм мелких хрусталиков отрывается от айсберга и кружит перед лицом. Сквозь дымку воды видны темные глинистые прожилки. Гранулы грунта – прошлое планеты. В следующий раз надо прихватить бур – высверлить цилиндрок на анализ.

В следующий раз...

Стена обрывается. Ивин подныривает, мельтешит ластами.

В ушах стоит зловещий гул. Усиливается. Ивин видит, как по отвесной стене змеится трещина. Черная полоса делит мир пополам. В карманах ледяного склона едва заметно, словно дыша, шевелится тьма. Огромный обломок острова вздрагивает, отрывается и скользит на дно. Перед глазами мелькают застывшие волны голубого льда.

Ивина засасывает следом. Кружит, пытается сломать.

Он яростно сражается со смертельным водоворотом. Колотит по воде руками, перебирает ногами по тонущей льдине, отталкивается от края...

Вырывается и летит вверх с огромной скоростью – так кажется, потому что льдина уходит вниз, а Ивин стремится в противоположном направлении.

Ивин поднимает голову, и ему мерещится проталина. Он поднимает руку и упирается в лед, прозрачный, чистый как стекло лед, в котором гаснут солнечные лучи – или многометровая толща светится изнутри.

Ивин колотит по льдине кулаками.

Замирает и медленно оборачивается. Что-то приближается из тьмы, в которой теряется луч фонаря. За складчатым рельефом будто лежит стремнина.

Фонарь испускает безжизненный свет, и Ивин спрашивает себя: что кончится раньше – батарейки или кислород?

Не может быть...

Он видит фигуры. Их две, они движутся в его сторону.

Мартынцев и Шахнюк? Спустились на поиски? *Родные мои...*

Мартынцев плывет немного впереди. Тянет руки. Ивин понимает, что на гидробиологе – на том, что он принял за гидробиолога, – нет маски. Видит стеклянное лицо, лишенные выражения глаза.

Вторая фигура, похожая на Шахнюка, тоже без маски, и это несколько ее не смущает. Лже-Шахнюк плывет, прижав руки к телу, и вдруг резко изгибается на девяносто градусов, будто морской лев, и уходит на глубину.

Ивин отстегивает молоток.

Приближающийся лже-Мартынцев смотрит на него слепыми пористыми глазами. Тянет и тянет руки – они удлиняются, истончаясь; отделившиеся от предплечий кисти плывут к Ивину. Плоское лицо торчит на длинной кристаллической шее; над головой – нимб из взвешенных в воде ледяных игл.

Живые фигуры сделаны из шуги, ледяного сала и снежуры. Они серо-коричневого цвета из-за включений песка и земли, характерных для припая. Чешуйки льда очерчивают знакомую форму лица. Чересчур большую голову...

Ивина накрывает волна ужаса. Закричать мешает загубник.

Лже-Мартынцев все ближе.

Ивин пытается отплыть. Замахивается молотком.

Но фигура из шуги неожиданно распадается, превращается в кристаллическую осыпь. Вязкая масса летит во все стороны, заслоня обзор.

Ивин не хочет выяснять, куда делась вторая фигура. Но лже-Шахнюк сам напоминает о себе, выныривая из облака шуги, в которое превратился лже-Мартынцев.

Фигура всплывает из тьмы под ногами Ивина. Рот лже-Шахнюка распахнут – не рот, а звериная пасть, внутри которой квадратные зубы, похожие на клавиши, зубы монстра – такие зубья образуются, если ломается нилас – эластичная корка льда.

Фигура дергается, копирует позы мертвого человека. Льдистые глаза смотрят прямо на Ивина.

Гидролог направляет чахлый луч фонаря в скалящееся лицо и, когда фигура замирает, будто заколдованная электрическим светом, опускает молоток. Удар похож на неспешный замах, перемотанный в обратную сторону. Молоток проваливается в голову твари. Лже-Шахнюк разлетается на мелкие куски.

Ивин смотрит вниз, будто там, на глубине, еще что-то происходит.

Поднимает взгляд. Куда плыть? И, будто мираж, вдруг видит в шуге над головой светлое пятнышко. Оно мигает, зовет.

Ивин плывет на моргающий свет. Льдистая крупа бьется о широкие ладони гидролога.

Он заблудился, но нашел выход. Он выберется. Всегда выбирался.

Всегда.

* * *

...Побережье океана занесло снегом. Белым-бело. Но скоро белое станет серым, потом черным – накроет полярная ночь. Ивин потерялся на пути к станции.

Под полозьями нарт скрипел снег. Упряжка из восьми собак сибирских и колымских пород неслась по нескончаемой тундре. Собаки были разноцветные, как карандаши: белые, серые, бурые и черные. Глядя на них, Ивин отдыхал глазами от слепящего снега. В первой паре бежал бурый вожак по кличке Новый Год, выше остальных собак в упряжке, длинноногий, сильный, умный.

Но сейчас Новый Год едва волочил лапы, оглядывался на хозяина, не знал, куда бежать. Ивин остановил упряжку: пускай передохнут. Стянул рукавицы, достал портсигар, закурил. Началась пурга. Ветер пронизывал кухлянку, залеплял глаза, пытался вышвырнуть из саней. Как тут найдешь старую охотничью землянку, оборудованную под кормовой склад, – в снежной круговерти он едва различал силуэты собак.

Новый Год постоянно останавливался, пытался свернуть. Ивин швырнул в него ледышкой. Пес закрутился на месте, заскулил.

Ивин спрыгнул с нарт и пошел на упрямого жоака.

Отходил дубинкой по бокам.

Новый Год ни в какую.

Ивин сдался, спрятался от ветра за нарты. Бездумно сидел, отхлебывая из фляжки спирт. Смотрел на свои большие руки, просто огромные в рукавицах, сжимал окоченевшие пальцы. Над опущенной к коленям головой мело и выло. Неужто все...

Ивин поднял голову и взгляделся в колкую серую мглу. Почти сразу заметил какое-то темное пятно. Сморгнул. Пятно не исчезло.

Он тяжело поднялся и пошел к пятну. Понял, на что смотрит. Упал на колени, стал грести снег, сначала руками, потом, сбегав к нартам, саперной лопатой. Раскопал печную трубу.

Вожак вывел его к землянке.

Ивин раскопал дверь и впустил собак. Взял в руки морду Нового Года, попросил прощения.

В землянке были дрова и керосин. Под шкурой, постеленной на нары, Ивин нашел замусоленную Библию с карандашными каракулями на полях. Заметки оставил какой-то охотник. Пережидая пургу, Ивин расшифровывал написанное: «Погода портится», «Сегодня холоднее, чем вчера», «Целое небо туч, идут с востока». На одной из страниц охотник написал: «Лопнул термометр, запасного нет». А дальше: «Сегодня снег злее». Через несколько страниц: «Слышу его, говорит со мной». В свете керосиновой лампы Ивин взглядывался в пляшущие закорючки: «Видел лицо на снегу, большое, будто кто крикнул снизу». Ивина охватило странное волнение. Последней записью было: «Меня вырвало снегом».

В землянке было душно: видимо, в щели набился снег. Над крышей подвывал ветер, Ивин лежал на нарах в полудреме, с Библией на груди. *Меня вырвало снегом...*

Пурга закончилась на четвертый день.

* * *

Ивин парит между небом и землей. Между твердым небом и бездонной землей.

Он видит, как бьется сердце айсберга. Огромный цельный кристалл, реликтовый лед – он сокращается, сокращается, сокращается, и шуга течет, омывая остров.

Ивин парит между реальным и мнимым.

Он почти готов сдаться. Заснуть в беспокойных вездесущих кристаллах льда. Заснуть и проснуться в домике под гул ветра, который бежит над бесконечным океаном, цепляется за мачты и постройки, или в палатке, разбитой на краю ледяного поля; в палатке тепло, возле двухконфорочной плиты лежит Пак, на заколоченном ящике с неприкосновенным запасом сидит Коган, смотрит с прищуром, и уже вскипает чайник и готова в кружке заварка...

Нет, надо бороться. Попытаться вырваться из-под пяты ледяного острова... Мысли расплываются, тянут на дно...

Пузырьки углекислого газа громко поднимаются вверх.

Над ним толща льда. Под ним Ледовитый океан – трехкилометровая бездна. *Я могу упасть. Я уже падаю. И буду падать... долго, очень долго.*

Ивина одолевает сонливость, голова кружится, в ушах шумит. Он пытается вспомнить, куда плыл. Редко, неглубоко дышит. Хочет закрыть глаза, но тут что-то жалит его в ногу. Обжигает крапивой.

Он открывает глаза и смотрит вниз.

В замутненной шугой воде удаляются длинные нити, развевающиеся под шляпкой фосфоресцирующего гриба. Он видит порванную штанину комбинезона – наверное, разрезал о падающий на дно обломок льдины – и чувствует подкожный жар. По коже словно провели горячей иглой.

Медуза... его ужалила медуза...

Откуда она взялась?

Он сосредотачивается на льдине над головой. Где-то должна быть лунка, или проталина, или трещина. Снова находит глазами моргающий свет, вспоминает, что это, чем может быть, и плывет к нему.

Чувствует эйфорию с примесью невнятной тревоги. Чувствует огонь в мышцах.

Путешествуя на собачьих упряжках, он грезил небом Арктики. Мечтал летать на ледовой разведке. Глядя в блистер, читать льды, изломы разводий, похожие на черные рты, предсказывать по ним будущее. Но арктическая навигация начиналась и заканчивалась летом, поэтому Ивин пошел в гидрологи.

Сейчас он как никогда далеко от неба.

Он видит просвет над головой. Лунку, забитую ледяной кашей. Мириады кристаллов поднялись с океанского дна в колодец.

Плохо соображая, Ивин лезет вверх. Работает руками, ледяные осколки рвут комбинезон. Перед глазами одна шуга, она строит ему гримасы, заползает под костюм. Идет и идет снизу.

У него кончается воздух... или уже закончился?

Ивина подташнивает. Он боится, что его вырвет... *шугой* и он захлебнется в нескольких метрах от спасения. Мышцы лица судорожно сокращаются, сводит живот.

Он застревает.

Нет, нет, нет!

В середине лунки из-за смерзания образовалась талия. Ивин не может сдвинуться с места. Сознание пульсирует, пытается прыгнуть во тьму, но ему удается собраться. Он отталкивается и снова погружается. Баллоны расширяют проход, сбивая шугу со стенок.

Он выскользывает из колодца, начинает работать лапами и снова идет наверх. Сейчас он увидит лица ребят, солнце...

Руки уже не колотят по стенам – скребут.

Он снова застревает.

На этот раз крепко, точно в тисках. Не может пошевелить плечами. Правая рука торчит вверх, тянется к просвету.

У Ивина слуховые галлюцинации. Он слышит то звенящую тишину, то скрежет трущихся друг о друга льдов, то... безумный крик.

Сердце колотится в груди, его сердце, раненое, испуганное. По телу бегут волны болезненных спазмов. Мысли путаются, но в этой карусели отчетливо проступают два слова: *он живой.*

Лед живой...

Капризное, враждебное, коварное существо. Вершина эволюции которого – айсберг. Тысячелетняя массивная глыба плывет по столбовым дорогам, покрывается голубоватыми прожилками замерзшей в трещинах воды, тает и шипит, отдавая частички воздуха, разрушается и стареет.

Лед сильнее человека, всегда был и всегда будет. На дне океана лежат самолеты, под лыжами которых раскололся лед. Льдины затирают суда в каналах, с трудом проложенных атомоходами и ледоколами-танкерами. Лед коварен. Всесилен. Смотри, человек, на его мышцы, на его кости, на его кровь...

Слепнувшими глазами Ивин смотрит на шугу. Пытается отделаться от мысли, что она – нечто большее, чем кристаллы льда. Нечто намного большее.

Нет, не кровь... а мысли айсберга. Скверные, темные, рассерженные. Ивин почти уверен в этом.

Со всех сторон страшно трещит лед.

Сдохни.

Оживает телефон. В наушниках какой-то шум: треск, скрежет, с каким ломается припай, шуршание льдинок... и тяжелый стон, и чей-то голос, глухой, холодный.

Вода умеет помнить – так почему бы ей не уметь злиться? Накапливать злость?

Ивин закрывает глаза. На его руках и ногах – лед, глыбы льда. В баллонах закончился воздух.

Сдохни!

Теряя сознание, он понимает, что слышит голос айсберга, и уже не чувствует, как кто-то хватается за руку.

Августа Титова Многоколенчатый

* * *

В подъезде Даша встречает священника в рясе – большого и степенного, с крестом на животе, сумкой и каким-то божественным прибабасом в руках. Он пахнет ладаном и одеколоном, спускается по лестнице к выходу, а следом семенит старуха. Она что-то говорит – он что-то отвечает, но Даша никак не может разобрать слова, будто язык, на котором они говорят, только притворяется русским.

Поп большой, и Даша, пропуская его, отступает к почтовым ящикам, где курит невзрачный мужик в трениках и толстовке.

– Бабуля, за что? – спрашивает мужик с укором. – За какие такие прегрешения вы решили меня выгнать? Я же плачу арендную плату.

– Молчи! – Бабка в сердцах машет на мужика рукой. – Дурака кусок.

Она выходит вслед за попом на улицу, и мужик говорит:

– Анна Андреевна. Я у нее комнату снимаю. Решила освятить квартиру, чтобы изгнать диавола.

– Тут живет дьявол? – спрашивает Даша.

– Тут под нами живут чурки в резиновой квартире. На первом. Но теперь-то они съедут. Если благодать туда дойдет. Но, я думаю, просочится.

В его голосе слышится скорее обида, чем злость или презрение.

– Я Витя, – говорит он. – Живу на втором. Анна Андреевна нацарапала на двери огромный крест. Увидишь крест – знай, тут живу я, Витя.

– А я никто, – отвечает Даша. – Я здесь не живу.

Даша не живет в этом панельном сером доме уже почти четыре месяца, с перерывами на выходные и еще на те дни, когда квартира нужна хозяину. В Москве он бывает редко и пускает жить командированных сотрудников своей фирмы. Здесь три комнаты и пять спальных мест.

Сейчас в квартире вместе с ней проживают два мужика, но завтра они оба уедут обратно в Питер, и она останется одна. Они бесполезны. Даша не знает, зачем их наняли, а они считают Дашу сукой.

Один из них по кличке Врунгель обладает даром испоганить файл, только открыв его. От его кликов, от его идиотских рук слетает форматирование, а иногда пропадают целые страницы и куски текста, поэтому теперь Даша присылает ему документы с запретом редактирования. Потому и сука. Ну и еще она сказала, что ему нельзя доверить даже шлагбаум на парковке поднимать.

На второго по прозвищу Сладенький Даша тоже однажды наорала. Его щеки порозовели, а глаза возбужденно заблестели от удовольствия, и больше Даша никогда так не делала.

На часах без четверти девять. Сорок минут назад она закончила рабочий день и по пути домой купила им по бутылке пива, чтобы замириться.

В коридоре ее встречает гора тапок «РЖД». Врунгель спит в кресле перед телевизором и храпит. Он ушел в шесть, но до сих пор не передел костюм, только галстук развязал. По возвращении домой он, скорее всего, хлопнул рюмку, и его сразу развезло, как бывает с пьющими. Рубашки и носки он меняет редко. Даша смотрит на него и думает, что Врунгель – это единорог наоборот, мифологическое существо. Мужчина, который, не сняв пиджак и не помыв руки,

храпит после работы перед телевизором в грязных носках, – это миф из истории Средневековья. В наши дни такого просто не бывает.

– Я тебе пиво купила.

Врунгель вздрагивает в кресле.

– Я такое пиво не пью, – хмуро отвечает он и снова отключается.

Сладенький хотя бы говорит спасибо. Он всегда говорит спасибо. За пиво. За кофе. За тумаки.

Даша идет в душ, а потом в свою комнату возле кухни, увешанную хозяйскими брюками. Очень хочется спать. Очень хочется, но не получается спать уже почти четыре месяца.

* * *

Утром пятницы в квартиру ломаются. Крутят замок, дергают ручку. Дубасят в дверь, закрытую изнутри на хлипкую щеколду.

Она лежит на полу незнакомого чужого дома, обложившись матрасами, а по безлюдной красной пустыне за окнами бесшумно рыщет чернильно-черный смерч. Он поднимает тучи пыли к небу, раскаленному добела, и грозит смять картонные стены. Мутные стекла жалобно дребезжат. Свет слепит.

Вздвогнув, она резко садится.

Ломаются. Дверь ходуном.

Даша бросается на кухню. Еще не рассвело, фонарь на улице не горит, она не помнит, где здесь выключатель. Вот рюмки, пепельница, сахар. Все липкое на ощупь, провоняло табаком.

С тупым ножом и чьей-то бутылкой из-под «Чиваса» она выскакивает в коридор и спотыкается о тапки.

– Менты уже едут! – орет Даша. – Вали, а то убью! Убью!!!

На лестнице становится тихо.

– Дашуня... – вкрадчивый голос из-за двери. – Ты, что ли? Это Стас. Че-то Лера ключи нам дала, а про тебя не сказала... забыла, наверное. Мы думали, замок заело. А здесь ты. Открой! Нам бы с поезда умыться...

Секретарша часто забывает о Даше. Забывает найти ей жилье или взять обратный билет на пятницу, чтобы Даша могла повидать родителей. Сегодня как раз такая пятница.

Даша относит нож и бутылку обратно на кухню и возвращается к двери. Они смущенно входят, их пятеро. Снимают ботинки, включают свет, разбредаются по квартире. Один запирается в ванной и там харкает в раковину надсадно, как трактор, который никак не может завестись. Потом они собираются на кухне вокруг маленького стола под липкой прожженной клеенкой, заваривают кофе и тихо говорят о работе, а она лежит в комнате лицом к стене и дрожит от холода под толстой зимней пижамой.

Надо встать, встать и идти работать над общероссийской системой государственного электронного документооборота, черпать ложкой океан.

Каждое воскресенье Даша бежит на полуночный экспресс. Путь ей преграждают поддавшие девки с цветными волосами, которые протягивают шляпы и просят помочь уличным музыкантам. Даша ненавидит уличных музыкантов и знает, что ненависть к этим наглым, бездарным, ленивым тварям не отступит, даже когда закончится проект. Это навсегда.

Каждый понедельник она натягивает колготки и костюм в туалете поезда, шатаясь от стены к стене и стараясь не вляпаться в мочу. На выходе ее встречают осуждающие глаза ждущих в очереди.

Рабочий день длится от двенадцати до пятнадцати часов. Задача необъятна и бессмысленна. Даша подолгу спорит с тремя огромными чиновницами, доказывая, что работа выполнена с должным качеством, хотя это не так, потому что выполнить ее с должным качеством

невозможно ни в какой срок никакими силами. Сама она превращается в такую же бочку. Зарплату положили вдвое лучше прежней, но Даша точно прожирает минимум треть и ширится на глазах. В другие дни она безвылазно сидит в отеле или в этой квартире, устраняя замечания к отчетной документации. Даша ни с кем не встречается, не говорит ни с друзьями, ни с родителями, ничего не читает и не смотрит, не строит планов, не ходит в магазин. Задачи, поручения и замечания исчезают из памяти почти сразу, как были произнесены. Но даже без памяти, без мирного сна, с заплывшими мозгами, она гораздо лучше справляется, чем Врунгель, а значит, нужно хотя бы работать. Нужно оправдывать свое существование, зарабатывать деньги. Если сразу не получается, то прежде, чем подумать мысль, нужно себя уговорить. Или заставить.

Мужики моют чашки и тихо уходят, закрыв дверь своим ключом.

Даша переворачивается на спину и смотрит на хозяйские брюки, аккуратно висящие на ручке шкафа и спинке стула. Всюду брюки. Костюмные, камуфляжные, джинсовые. Шортики.

Хрипят, дрожат старые трубы. В ванной раздается отчетливый хруст. Он спускается сверху, идет вдоль стены и смещается вправо.

Даша с трудом поднимается с постели. В мутном зеркале отражается пучок старых зубных щеток и ее помятое лицо в обрамлении жидких светлых волос.

Забыла снять на ночь золотое кольцо. Оно врезалось в отекий палец, и тот стал похож на сардельку. С помощью мыла Даше удастся стащить кольцо, чтобы тут же уронить его в раковину и потерять в черном отверстии слива. Хочется скулить. Пищать, подвывать и зажмуривать сухие, облысевшие от авитаминоза глаза, пытаясь выдавить слезу. Ее лицо собирается в одну точку, сморщивается, как сухофрукт.

Кольцо вылетает из слива, звякает о фарфор и соскальзывает обратно. Даша не двигается. Через несколько секунд кольцо вылетает снова. На третий раз Даша успевает накрыть его ладонью. Из трубы пахнет болотом, хруст катится вниз.

Даша заглядывает в сливное отверстие, потом светит туда фонарем на телефоне, но разглядеть удастся только покрытую слизью стенку трубы и несколько волосин. Видно сантиметров на пять-семь максимум.

После в тот день она работает, работает и работает, переходя от одного окна, глядящего в бетонную стену, к другому и делая ошибку за ошибкой. Подсистема планирования бюджетных ассигнований на уровне Федерации и на примере Республики Коми. В эксельке с первичным описанием процессов планирования количество строк уже перевалило за восемьсот, и еще там четырнадцать столбцов. Мозги словно посыпали песком, чтобы мысли с трудом ползли по нейронам, скрипя и обдирая половину смысла об острые песчинки.

В какой-то момент, часов около шести вечера, на нее накатывает. Это ощущается примерно за час, вроде приступа, но предотвратить это или подготовиться нельзя. Даша называет это «шквал». Даже неясно, с чем сравнить отчаяние и горе такой силы, с чем сопоставить. Из реальных причин – потеря ребенка, может быть. Что-то космическое, запредельное, непозволительное, несовместимое с жизнью. В Дашином случае – напрочь беспричинное, налетающее как смерч, на ровном месте. Сделать ничего невозможно – глаза вылезают из орбит. Она идет в ванную, садится на пол, скрючивается и до упора открывает рот в беззвучном вопле. Каждая мышца напряжена в попытке вытолкнуть это чувство, слезы выступают только от напряжения. Удастся хватить воздуха – и по новой. Можно опустить раззявленный рот на край ванны или раковины, их прохлада и стук зубов о фаянс чуть-чуть отрезвляют. Шквал длится минут сорок-пятьдесят и проходит так же резко, как начался. Идешь после него, охая и немного враскоряку, будто родила огромного, не желающего вылезать невидимку, а лицо – словно пила весь вечер и блевала всю ночь. Красное, опухшее, с узкими воспаленными глазами и одутловатыми веками.

– Дашенька, но ведь надо что-то делать, – сказала мама, когда однажды «шквал» накрыл Дашу в доме родителей. Она не могла ничего услышать – Даша заперлась в туалете и не издала ни звука. Но лицо...

– Только не говори, что я ничего не делаю. – Даша притворилась, что не поняла. – Работаю с утра до ночи.

Спустя час после шквала Даша выходит на улицу, бредет по лужам до забегаловки, где узбечка подает салат, стейк, картошку фри, десерт, кофе, и все это Даша ест, ест и ест до тех пор, пока влезает. Ощущение вкуса слабое, исходящее из пыльного угла мозга, похожее на знакомый, но чуть слышный голос издалека. Кажется, что скорее знаешь, какой должен быть вкус, чем чувствуешь его, и кладешь в рот следующий кусок в надежде, что с ним все вернется на свои места.

У подъезда темень. Когда Даша вынимает ключи, из кармана выпадает комок черных наушников-ракушек. Подсвечивая телефоном, она безнадежно шарит глазами по асфальту и грязным стаявшим сугробам.

– Закладку ищешь? – доносится из темноты.

Вспыхивает и тлеет сигарета. Витя курит у подъезда. Наверное, Витя. Из квартиры с большим крестом на двери. До него метров шесть, не меньше, – плохо видно.

– Наушники потеряла.

– Да вон они. – Витя затягивается. – Шаг вправо.

Даша делает шаг.

– Еще шаг вправо.

Даша шагает.

– Прямо под ногами у тебя.

Луч фонаря выхватывает наушники из темноты. Даша поднимает их и думает, как давно ими не пользовалась. Как надоела, как бесит вся музыка. И шорох шин, и шум города. И тишина.

* * *

Утром субботы в квартиру опять ломятся. Крутят замок, дергают ручку. Дубасят в дверь, закрытую изнутри на хлипкую щеколду.

Она гуляет с президентом Путиным по берегу океана, потом они круто заворачивают и оказываются у валуна на самом краю апокалиптического шторма. Смерч поднимает к черному сверкающему небу кипящие волны, и те стеной идут на пустой песчаный берег гнойно-желтого цвета. На Путине бежевый джемпер в косичку. Он смотрит на Дашу и говорит тихо, но отчетливо: «Посмотрите, что вы сделали с артисткой».

Вздروгнув, она просыпается в темноте.

Ломятся. Дверь ходуном.

Даша снова бежит за ножом.

На сей раз – домработница. Оказывается, приходит раз в неделю убирать холостяцкую берлогу. Ей тоже не сказали, что здесь кто-то живет. И Даше не сказали, что есть домработница. Та принимается гладить стираное постельное белье и раскладывать по полкам в большой комнате.

Даша идет в душ. Стоя в ванне, она переворачивает на ладонь банку жидкого сахарного скраба с запахом банана. Этот запах она чувствует хорошо, в отличие от других. Он такой жирный, такой химический, такой ярко-желтый посреди вязкой серой полумглы. Она подливает еще скраба на ладонь – и огромная пахучая капля падает в слив. Даша подносит ладонь к лицу и жадно вдыхает банановую отдушку.

Под ванной хрустит. Из трубы доносится звук, похожий на чавканье. Даша смотрит вниз, где в клубах пара уже теряются ее ноги и копится вода. Всего лишь засор. Она наспех размазывает по телу скраб и тут же смывает. В трубе продолжает чавкать. С удовольствием, с аппетитом – кажется, даже сахар скрипит на зубах. Еще бы, он такой вкусный, этот скраб.

Даша перекрывает кран и вылезает. Вода потихоньку уходит, пахнет бананом. Она накидывает халат, дергает щеколду и приоткрывает дверь в коридор, чтобы пар вышел, потом берется за края раковины и зависает. Мозги буксуют. Она неподвижно стоит на месте с приоткрытым ртом, с трудом моргая через раз, дыша через раз и не издавая ни звука. Нет сил двинуться, нет сил одеться. Последние капли исчезают в сливе, трубы режут и затихают. Запотевшее зеркало постепенно проясняется.

В этой «проталине» Даша видит, как из-за бортика ванны за ее спиной вылезает мясистый червь. Шириной он два-три пальца и цветом напоминает синяк. Его сизое тело, разделенное пополам пульсирующим сосудом, вытягивается, пока не поднимается на полметра над краем. Ни глаз, ни других щелей на тупой морде. Он замирает, затем дергается к углу, где стоит косметика. Тыкается в крышку шампуня, бальзама, геля для душа, пока наконец не находит банановый скраб.

Когда он обвивает банку тугим кольцом, Даша издает вместо крика хриплый сдавленный возглас. Кольцо немедленно разжимается, скраб падает на дно, а червь исчезает в сливе.

Выброс адреналина выводит Дашу из оцепенения. Она медленно подходит к ванне и изучает поверхность сантиметр за сантиметром, но не находит ничего, кроме капли подозрительной прозрачной слизи у самого слива.

– Что так? – кричит из комнаты домработница.

– Ничего, – сипло отвечает Даша.

Бананом больше не пахнет – пахнет гнилью.

* * *

На воскресенье и понедельник квартира нужна хозяину всех этих брюк. Даша могла пробыть здесь до вечера, но ушла сразу же после встречи с червем, оставив часть своих вещей и с тревогой думая, что предстоит вернуться. Она бродила по городу с рюкзаком, потом заселилась в подобранную секретаршей трехзвездочную гостиницу в центре – убогое жилище стоимостью восемь тысяч рублей в сутки. По крайней мере, здесь тихо в трубах.

Она выныривает из компьютера только в два часа ночи и спускается в пустой круглосточный ресторан на первом этаже. Алкоголь давно вызывает жуткие отходняки, на которые нет ни сил, ни времени, поэтому Даша капли в рот не берет, зато собирается по обыкновению обожраться.

На столах стоят аквариумы размером с чашку, в каждом из которых без движения сидит цветная рыбка. Рыбка живая, иногда открывает рот в беззвучной мольбе о помощи. По крайней мере та, что на Дашином столе. Даша пытается не смотреть, но очень скоро ей начинает хотеться блевать.

– Почему вы так содержите этих рыб? – спрашивает она, подойдя к бару.

– В смысле? – отвечает татуированный бармен с пирсингом в носу. – Как «так»?

– Эти аквариумы слишком маленькие. Вы не видите, что рыбы не могут в них двигаться? Они вообще живые?

– А вы что, из «Гринписа»?

«Ебанутая жируха», – читается на его лице.

«Вот бы тебя убить, – думает Даша. – Воткнуть вилку в горло и смотреть вместе с рыбами, как ты пускаешь пузыри».

– Рыбы мучаются. Это как запереть вас в камере, где можно только сидеть и стоять. И вы предлагаете здесь есть?

Единственный посетитель – пьяный армянин в лакированных ботинках, дремавший за стойкой, – пробуждается и глядит на них, нахмурив кустистые брови. В глазах его плескается полное непонимание.

– У нас ни одна рыба еще не умерла.

«Сдохни, сдохни, сдохни».

Смотреть, как его четвертуют, было бы проще, чем смотреть на рыб.

– У вас есть куда об этом написать? Сайт, почта. Что читает ваше руководство?

– Наше руководство читает книгу отзывов и предложений.

– Точно?

– Железно.

– Давайте сюда эту книгу. И ручку.

«Я пришла в ресторан и вижу, что в крошечных аквариумах без движения, кислорода, водорослей и прочего сидят рыбы. Они могут только вращаться вокруг своей оси. Некоторые выглядят не совсем живыми, даже если еще не всплыли вверх брюхом. Это жестоко. Рыбы должны плавать. Это как запереть человека в одиночной камере, где он может только стоять и сидеть. Я сфотографирую это, опубликую и пожалею, куда следует. Но главное – невозможно есть, глядя на это дерьмо. Купите один большой аквариум, оборудуйте его как следует и держите рыб в нем в нормальных условиях. Это недопустимо. Живодерство в центре Москвы».

В самом начале отзыва в ручке кончаются чернила, но Даша продолжает «писать», продавливая бумагу пустым стержнем. С каждым словом она будто втыкает эту ручку бармену в глаз.

* * *

В понедельник представляют нового члена команды на роль главного аналитика на все подсистемы, кроме Дашиной. Творческий мужчина, в полосатом свитере и с лохматой головой, посреди совещания он вдруг снимает ботинок и начинает делать себе массаж стопы. Даша напрягает все силы, чтобы смотреть на его лицо, а не на ногу, даже не моргает.

– Спрячь глаза, – шепотом советует коллега-москвич. – В очки упираются.

Обед звонит знакомая, которую Даша встречала раза три в жизни. Говорит, не ее начальник, которого она едва знает, увидел, что она идет по коридору, пригласил пройти к нему в кабинет, посмотрел, что в коридоре, кроме них, никого не было, закрыл дверь и заявил, что она совершенно не интересуется его как женщина.

– Началось в колхозе утро, – отвечает Даша. – Обидненько.

– Что это было? – всхлипывает девушка.

– Понедельник.

У Даши этот понедельник неплохой. Ни шквала, ни долгих зависаний. Даже у еды вкус сильнее, чем обычно.

Весь день Даша представляет себе в красках эту сцену, хотя смутно помнит Ее, совсем не знает Его и никогда не видела их офис. Вот Она, цокая каблуками, бежит по коридору в дерзкой мини. Вот Он, коренастый мужчина лет сорока пяти, с небольшим лишним весом и большим золотым кольцом на безымянном пальце, в крикливом галстуке и остроносых туфлях. Отворяет дверь своего кабинета, окликает Ее, говорит: «Зайдите на минутку». Она в растерянности, ведь они почти незнакомы. Заходит, одергивая край юбки, ворсистый ковер глушит стук Ее шпилек. За Ней закрывается тяжелая дверь. Все рыбки в Его аквариуме с любопытством прилипли к стеклу.

Дашу схватывает, и она начинает громко, до боли в затылке смеяться перед монитором. Схватывает и отпускает. Отпускает – и снова схватывает.

Спасибо, что сказал! Держи в курсе.

Она даже думает погулять по Москве после работы, но к вечеру дневные проблески радости уже кажутся полузабытым сном.

* * *

Она нагибается к раковине и отплеивается. Вместе с кровью из ее рта вываливаются коронки, мосты, неизвестные железные конструкции и зубы с маленькими, кастрированными корнями. Они со звоном ударяются о стенку раковины в желтых разводах и исчезают в черном отверстии слива, а потом вылетают оттуда обратно – и снова скатываются. Десятки, сотни зубов и железок. Стоит выплюнуть горсть – рот тут же наполняется снова. Боли нет. На краю раковины стоит пустая, до скрипа вылизанная банка из-под бананового скраба, ровно такая, какой Даша нашла ее, вернувшись в квартиру.

Вздрыгнув, она просыпается в темноте. В голове пульсирует мысль: «Я беззубая. Не могу кусаться».

Верните зубы.

Опять эта комната. Ночь со вторника на среду. Стена слабо белеет, а на стене возле выключателя – три полуметровых черных пальца, изломанных и задранных кверху, как графики зависимости ее готовности к самоубийству от времени, проведенного в Москве.

Нельзя сдаваться. Слез и зубов она уже лишилась, но ей еще жаль рыб. Это еще не конец. Есть и другие формы протеста.

Даша сжимает рукоятку ножа, спрятанного под подушкой. Нож – это хороший знак. Нож говорит, что она не хочет умирать, – таким чуть слышным, скрипучим голосом.

Надо закрыть глаза, чтоб не блестили, но она не может отвести взгляд от пальцев. Может, это тень. Тень от брюк. По ночам квартиру наводняют полчища уродливых черных фигур, и все они на самом деле брюки. На стульях, ручках, вешалках, крючках. Пустые, безвольно обвисшие мужские штаны.

Пальцы приходят в движение, скользят по стене, как змеи, и скрываются в проеме. Что-то еще более черное, чем окружающая темнота, бродит по коридору. Даша слышит легкие шлепки мокрых ног по кафельному полу. На кухне тихо скрипит дверца стенного шкафа.

Желание пойти туда с фонарем и посмотреть становится почти нестерпимым. Это надежда. Надежда, что на самом деле там ничего нет. Последний островок посреди океана ужаса, такой манящий, что соблазн грозит оказаться сильнее инстинкта самосохранения.

– Мы не пойдем, – одними губами беззвучно говорит себе Даша. – Мы не будем пугать и беспокоить его.

Скрипит окно – и по квартире проносится сквозняк. Пахнет куревом. Тихо кашляют.

Это человек. Здесь человек.

Она стискивает рукоять ножа, зажмуривается и орет внутри своей головы так громко, что перед глазами взрывается фейерверк искр. Человек. Человек! Это гораздо хуже черных полуметровых пальцев. Островок надежды посреди океана ужаса сжимается – она больше не может на нем устоять. Человек – это точно реально, ведь дверь плохая, замки слабые, по лестницам бродят. Кто-то из них проник сюда и курит у окна. А что он сделает потом?..

На кухне раздается оглушительный хруст костей, такой сочный, что у Даши ноют суставы. Кряхтенье. Стон. Этот клубок звуков движется по коридору обратно – в сторону ее комнаты. В дверном проеме снова возникает непроницаемо-черный силуэт, потом скрипит дверь в ванную и плотно закрывается.

Даша лежит в постели без движения, сжимая нож, до рассвета по-прежнему очень далеко. Ничего не происходит. Сквозняк так и бродит по квартире, теребя занавески. Приглушенный скрежет лифта на лестничной площадке. Еще не очень поздно. Время детское. Где-то воеет сирена и тонет в шепоте ночного города. Веселые молодые возгласы вдалеке. По улице проносятся такси с опущенными стеклами, оттуда звучит рэпчик – что-то про шкур, которые бесят. Снаружи зажигается фонарь, и на потолок ложатся причудливые живые тени.

Даша бесшумно встает и с ножом подходит к двери ванной. Внутри темно. Она прижимается ухом к замочной скважине. Он храпит? Сопит? Хотя бы дышит?

– Давай, – шепчет себе Даша, ударяет по выключателю и распахивает дверь.

Свет ослепляет, но в следующую секунду она решительно бросается внутрь, готовая ударить ножом в грудь того, кто мирно спит в ванне.

Ванна пуста. Выдох застревает у Даши в глотке. Он не вошел сюда, а прошел дальше, в большую комнату.

Путь туда пролегает мимо входной двери. Замок выглядит нетронутым.

В большой комнате – тоже никого. В воздухе стоит слабый запах гнили, и Даша распахивает окно. Порыв ветра пробирает до костей, сливается со сквозняком с кухни и кружит по квартире.

Здесь никого нет.

Даша зажигает свет, включает телевизор и неожиданно для себя радуется самодовольной харе ведущего ночного политического ток-шоу и собачьему лаю его так называемых экспертов. Их голоса опошляют все, делают приторно-обыденным. То, что надо.

Озаренная тусклым теплым светом кухня единственная хранит следы вторжения. Даша морщится и скулит, держась за косяк, но спасительные слезы снова не идут. На подоконнике стоит несвежая лужа, в пепельнице валяется окурок, хозяйские сигареты и зажигалка. Сахарница посреди стола, дном доверху наполненная кусковым сахаром, сейчас пуста.

Он был здесь. И он ушел.

При полной иллюминации Даша заваривает кофе и садится работать. В девять она позвонит секретарше и попросит найти другое жилье. Если та откажет – найдет сама и оплатит из своего кармана. Эта ночь – последняя в этой квартире. Нет, последняя на этой работе. А может – просто последняя.

После двух ночи Даша идет в туалет и запирает за собой дверь, забыв, что замок барахлит, как и все в этой квартире и в ее жизни в целом. Захотев выйти, Даша не может. Замок заело. В маленьком зеркале на двери она видит свое глупое растерянное лицо и прошлогодний православный календарь за спиной. Телефон остался на кухне возле ноутбука. Даша опускает крышку унитаза, садится сверху и бьет в дверь пятками.

– Че там такое?! – раздается снизу чуть слышный мужской голос.

Даша с надеждой прижимается лицом к трубам.

– Витя!

– Я Витя! А ты кто?!

– Даша! Я застрял в туалете! Квартира тридцать один, над тобой! Звони спасателям!

Он молчит.

– Ты слышишь?! Надо ломать дверь!

– Ладно! – каркает Витя.

Даша плюхается обратно на крышку унитаза.

– Мы будем в порядке, – шепчет она с облегчением. – Нас спасут.

Она натужно смеется. Нет, так нельзя. Какая глупая была бы смерть. Буквально говняная.

Спустя минуту Даша отключается. Она будто видит разряды электричества у себя в мозгу. Там все искрит под черепушкой. Настоящее светопреставление. Мозг занят чем-то сам по себе, так занят, что не может управлять ее действиями. Поэтому она просто сидит неподвижно, с приоткрытым ртом, потеряв чувство времени, глядит в одну точку и даже не моргает.

В ванной за стеной раздается громкий отрывистый скрип. Даша с усилием закрывает рот и пытается отвлечься от созерцания молний в голове. Мокрый шлепок. Скрип влажной ладони об эмаль. Стариковское кряхтенье. Что-то хватается за борта ванны, стонет и хрустит множеством суставов, вылезая из отверстия слива.

Даша думает: «Это в трубах», – но тут на пол падают банки с косметикой, и все мысли вытесняет ужас.

Оно громко тянется, уверенно, по-хозяйски шлепает мокрыми ногами в коридор, а затем к туалету. Решительно опускается дверная ручка, щелкает замок. В скважине показывается и тут же скрывается кончик острого серого когтя, скребет в замке.

На пару секунд все замирает, затем дверь беззвучно открывается. У порога стоит тухлая лужа. На кухню ведут мокрые следы.

В зеркале Даша видит многоколенчатого палочника, черного и лоснящегося от сточной слизи. Его костлявое тело напоминает кривую ветку, надломанную в десяти-двенадцати местах. Он склонился над кухонной раковиной, держась за края полуметровыми членистыми пальцами и опустив в слив синюшный язык. Снизу на языке выпирает налитой сосуд, и Даша узнает в нем безглазого червя из слива, любителя сахара и бананов. Многоколенчатый нагибается все ниже и ниже к раковине, вертит узкой головой, проталкивая язык вглубь, отыскивая им путь по трубам.

Тук-тук.

Даша отрывает взгляд от зеркала и таращится на крышку унитаза, на которой сидит.

Тук-тук, – настойчивее стучат снизу. Он поворачивает голову к туалету, чтоб убедиться, что она поняла, кто там. Бледное пятно у него на лбу смотрит.

Соскочив с унитаза, Даша бежит к входной двери. Многоколенчатый с громким чавканьем втягивает язык обратно и неуклюже шлепает за ней по коридору, волоча по полу свои длинные палкообразные руки. Дверь на лестницу распахивается. Он не преследует ее, а кидается в большую комнату. Его изломанный черный силуэт проскакивает мимо работающего телевизора, наследив на паркете, и исчезает в открытом окне. Ведущий ток-шоу смеется ему вслед. Звучат аплодисменты.

Даша бежит вниз и в полете второго этажа налетает на Витю.

– Я вызвал сортирный патруль, – сообщает Витя.

Она с воем утыкается в его костлявую грудь. Он пахнет куревом. И болотом. Слезы льются из Дашиных глаз библейским ливнем, в голове еще сверкают молнии. Где гром?..

– Разъелась ты, – говорит он и хлопает ее по спине. – Хорошо, у меня руки длинные.

Дмитрий Лазарев Фантомы

* * *

Очки, которые Ярик нацепил мне на нос, оказались ощутимо тяжелее привычных. Дужки туго обхватили голову. В правом ухе угнездилась капелька наушника.

– Ну как, Миш? Не давит?

Я провел пальцами по необычно толстой оправе и обнаружил коробочку, прицепившуюся к правой дужке. Нашел косые отверстия микрофона, выпуклую полукруглую линзу камеры и непонятную металлическую решетку. Нашупал торчащий сзади тумблер выключателя.

– Слегка некомфортно, – признался я. – Из-за наушника. Все-таки без него лучше слышно, а это важно...

– Ничего, – успокоил брат. – Дело привычки. Скоро ты убедишься, что оно того стоит.

Руки Ярика источали привычную смесь запахов жидкого мыла, пота и сладкого мужского парфюма, который мне никогда не нравился. Он пару минут колдовал с прибором на очках, шумно дыша над самым ухом, потом щелкнул тумблером – и наушник ожил.

– *Загрузка системы. Активация модулей*, – прошелестел приятный женский голос, который я мгновенно узнал.

– Это что, Нина?

– А то, – довольно отозвался Ярик. – Шестьдесят часов у микрофона, два гига записей. Потом голос придется синтезировать, ради экономии памяти. С расширением базы понадобится большой объем и лицензия на использование синтезатора речи, так что пока работаем, с чем можем. Впрочем, это не главное. Я дал программе ее имя.

– Как романтично, – фыркнул я.

– В любви и на войне все средства хороши...

Я знал, что он улыбается, – со временем это начинаешь определять по голосу.

– Главное, чтобы она работала, Ромео.

Он шаркнул стулом по полу.

– Координаты действуют по принципу часов. Думаю, ты быстро разберешься...

– Часов?

– Представь, что ты стоишь в центре большого циферблата, тогда прямо перед тобой двенадцать часов, справа и слева – соответственно три и девять...

– О'кей, я понял.

Наушник издал звуковой сигнал.

– *Загрузка завершена. Инициализация... Приветствую пользователя, я – Нина, ваш проводник и помощник.*

– Прогуляемся? – предложил Ярик.

Щелкнула, распрямляясь, трость, и брат вложил в мою руку прохладную рукоятку. Запястье привычно охватил ремешок. Я нашупал край стола, аккуратно поднялся на ноги. Нет ничего проще, чем ушибиться об угол, которого не видишь...

– *Перед вами Ярослав*, – сообщил голос в наушнике.

Я вытянул руку и уткнулся ладонью в грудь Ярика. Подушечки пальцев коснулись плотной ткани рубашки.

Наверное, чувства так ярко отразились на моем лице, что он рассмеялся.

– Как это работает?

– Компьютерное зрение, обученная нейронная сеть и немного магии, – сказал Ярик, отступая в сторону (подшвы кроссовок шаркнули под тремя шагами). Наушник оперативно среагировал:

– *Ярослав на два часа.*

– Пройдись по аудитории и скажи, как тебе.

Я шагнул вперед, привычно постукивая тростью. Обошел стул, оказавшийся на пути, протиснулся промеж двух узко стоящих парт. Негромкий голос Нины комментировал:

– *Ярослав на три часа. Стена на двенадцать часов. Расстояние – два метра. Дверь на десять тридцать. Расстояние – четыре метра.*

– Не торопись, – обеспокоенно воскликнул Ярик, когда я поспешил к выходу, выставив трость. Голос в наушнике руководил. Пальцы нашли дверную ручку, и я вывалился в соседнее помещение – коридор или холл.

Здание Новосибирского государственного университета, в котором брат занимался разработкой, пустовало по случаю позднего часа. Вокруг стояла тишина, и мои шаги гулким эхом отражались от стен. Между тем хотелось бежать, хотелось воспарить в воздухе... Едва ли не впервые за пять лет жизни во тьме я почувствовал душевный подъем. Проект, над которым Ярик трудился последние годы, работал! Это было не зрение... но это было уже что-то.

– *Впереди вас коридор. Стена на три часа, расстояние – полтора метра. Стена на девять часов, расстояние – два метра.*

– Миша, давай без резких движений, – голос Ярика прозвучал откуда-то сзади. – Программа еще в отладке... есть косяки... будет досадно, если ты разобьешь голову.

– Спокойно, Илон Маск. У меня все под контролем!

Широко шагая, я пересек коридор, коснулся пальцами противоположной стены. Обострившиеся чувства слепого, позволяющие неплохо ориентироваться в замкнутых пространствах благодаря рожденному шагами эху, подкреплялись своевременными подсказками программы, и мое нутро трепетало от восторга. Придерживаясь рукой за стену, я уверенно двинулся по коридору к лестницам, расположение которых запомнил по прошлым визитам.

– Ну хорошо, пройдемся по этажу...

Ярик семенил рядом, по-видимому готовясь подхватить, если что-то пойдет не так.

– Скажи лучше, «Нина» видит ступеньки, ямы на дороге и все такое?

– Должна, но все же используй трость, будь добр. Я форкнул базовый модуль компьютерного зрения из открытого репозитория одной израильской компании, они пишут софт для беспилотных автомобилей. Их ядро определяет крупные предметы, разметку и людей. Плюс прикрутил распознавание лиц, тоже из открытых источников. По сути, большую часть времени я тут лазил по окрестностям, обучая нейросеть... Ну и собственно на основании моей диссертации – модуль ультразвуковой эхолокации. Как у летучих мышей. Рассчитывает расстояния до объектов.

– Прибереги силы для инвесторов. Я и половины не понял... как-никак, в нашей семье ты всегда был умный, а я – симпатичный.

– Не льсти себе, кот Базилио...

Я притворно замахнулся тростью. По правде говоря, подколки брата насчет темных очков порой поддерживали пуще иных других слов. Словно все было как раньше, когда мою жизнь еще не окутала непроглядная тьма.

– И что, много людей привлекал для обучения?

– Так, местный персонал... кое-кого из знакомых. Загнал в память с полтора десятка лиц. Если программа обнаруживает совпадение, Нина называет имя. Если нет – определяет пол. Ничего сложного – просто по строению тела...

– Магия, не иначе.

– *Лестница – на два часа. Расстояние – три метра. Внимание, впереди ступеньки.*

– Это холл? – догадался я, раньше умной программы почувствовав расширение пространства. Звуки наших шагов улетали под поднимающийся вверх потолок.

– Да, ты идешь к выходу.

Я шагнул вперед, нащупывая ступеньки тростью. Помнится, здесь должны были стоять турникеты и пост охраны...

– *Перед вами – Палыч, – сообщила Нина. – На одиннадцать часов – женщина. Расстояние один метр.*

Охранник работал здесь давным-давно, еще со времен нашего студенчества. В моей памяти легко всплывал образ лысеющего невысокого мужичка. Не думаю, что он сильно изменился с тех пор, когда я еще мог видеть.

– И снова мы, Вадим Палыч, – сказал я. – А я знаю, где вы стоите.

– Ты смотри, – удивился хриловатый голос. – Востро слышишь, Мишка!

От охранника неприятно тянуло застарелым потом и грязными носками. Видимо, исходящие от него миазмы начисто перебивали запах девушки, которая, судя по короткому сообщению Нины, подошла вплотную ко мне. Я смутился.

– Простите, я слепой, могу попасть тростью...

– Я помню, – невпопад сказал Палыч. – Это ничего, все понимаю...

– Я обращаюсь к девушке, – пояснил я, и охранник, смешавшись, смолк.

Сзади подал голос Ярик:

– К кому?

– К девушке, – неуверенно повторил я. Что-то было не так. Я чувствовал Ярика за спиной и отчетливо слышал тяжелое дыхание Палыча, но никак не мог уловить присутствие кого-то третьего. В пику моим ощущениям, наушник прошелестел:

– *Перед вами – женщина. Расстояние – пятьдесят сантиметров.*

Я осторожно вытянул руку. Пальцы нащупали пустоту.

– Там никого нет, Миш, – тихо сказал Ярик.

– Твоя программа утверждает обратное.

Сухо рассмеялся Палыч – словно рассыпали по столу пригоршню камней.

– Недоработка вышла, Эйнштейн! Сколько меня фотографировал, а все одно – не фурычит...

– *Женщина на два часа. Расстояние – один метр, – невозмутимо продолжала Нина.*

Пальцы брата сжали предплечье.

– Понял. Это баг, – сообщил Ярик. – Мне пока не удалось его победить – не могу понять, в чем причина... иногда Нина засекает несуществующих людей. Я их называю фантомами. То ли тепловые потоки, на которые реагирует камера, то ли что-то в воздухе, отражающее сигналы локатора. Не обращай внимания, они быстро рассеиваются...

Он увлек меня обратно в коридор. Мы поднялись на второй этаж, прошли в соседний корпус через подвесной переход, воспользовались лифтом и посетили пустую столовую. У лабораторий встретили какую-то студентку и запозднившегося профессора, с которым Ярик зацепился языками, обсуждая нюансы использования нелинейных преобразований в сверточной нейронной сети (профессор был опознан Ниной как Глазурин Тимофей Сергеевич. От него кисло пахло мелом и пирожками с квашеной капустой), а потом на площадке у информационных стендов наткнулись на еще одного фантома.

– Мне как-то не по себе, – признался я, когда Нина бесстрастно сообщила, что «*женщина в полуметре... в метре... в двух метрах от вас*».

– Еще недавно она путала двери и окна, – не особо-то успокоил Ярик. – И игнорировала открытые люки. Не переживай, я хорошо ее обучил. Скоро разберемся и с этой проблемой.

Вернувшись к пропускному пункту, мы простились с Палычем и вышли к парковке, где Нина без труда обнаружила наш автомобиль.

– Можешь снимать, – разрешил Ярик, заводя мотор.

Салон Яриковой «тойоты» пропах освежителем-елочкой, старыми чехлами и потертой кожей. Я устроился в кресле, сжимая в руках сложенную трость.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался брат.

– Чумовая штука, – признал я. – Ты будешь богат, как Билл Гейтс.

– Ой ли... – он усмехнулся. – Аналоги уже существуют, но их цена... В Германии собирают протезы, передающие очертания предметов по главному нерву напрямую в мозг. Американцы не сегодня завтра запатентуют искусственные глаза, восстанавливающие до сорока процентов зрения. Будущее из фильмов восьмидесятых сквозь призму звериного оскала капитализма. Позволить себе все это, как ты понимаешь, смогут лишь богачи. Моя же разработка может быть доступна каждому. И я рад, что могу сделать посильный вклад.

Под колесами зашуршала гравийка. На повороте я высказал вопрос, беспокоивший меня с завершения испытания прототипа.

– А тебе не приходило в голову, что эти фантомы... ну, типа, неприкаянные души?

Брат рассмеялся.

– Ты говоришь с человеком, получившим грант для молодых ученых на разработку прибора искусственного зрения. Каков шанс, что я могу верить в привидения?

Мы помолчали.

– Впереди еще много работы. Помимо проблемы с фантомами, качество распознавания сильно зависит от освещенности. В полной темноте максимум, на что можно рассчитывать, – замеры расстояний локатором. Я думаю над добавлением инфракрасных датчиков, и...

Ярик ударился в малопонятные рассуждения. Я слушал его, все яснее ощущая, каким балластом становлюсь собственному брату, вынужденному нянчиться со слепцом в Новосибирске, вместо того чтобы строить где-то блестящую карьеру, и нахлынувшее чувство острой никчемности омрачило приподнятое настроение.

– Жаль, что не в МГУ, – сказал я. – Там было бы куда больше возможностей, а ты застрял тут, из-за меня.

– А, не бери в голову. Тут не так уж и плохо.

– Если бы была жива мать...

Я знал, что он бодрится. Мы оставались, потому что здесь мне был знаком каждый уголок – немаловажное преимущество для незрячего. Здесь прошла наша юность. Жизнь в Академгородке как будто законсервировалась – ничего не менялось вокруг, – и бывший студент Мишка, однажды проснувшийся слепым, чувствовал себя на этих улицах как рыба в воде.

Однако Новосибирск вовсе не был пределом мечтаний, о чем недвусмысленно напоминали сводки новостей. В Бугринской роще стая бездомных собак разорвала восьмилетнего мальчика. Месяц назад пропала еще одна студентка, четвертая за последние полгода. В Ленинском районе произошла перестрелка – трое убитых, двое в реанимации. Подростки облили бензином и подожгли бомжа.

Печальная летопись каменных джунглей, в которые превращались все крупные города.

– Не вини себя, – сказал Ярик. – В конце концов, если бы я уехал в Москву, то никогда бы не встретил Нину...

– Нашел бы себе другую аспирантку. В Москве их пруд пруди...

Он толкнул меня в плечо.

– Нина особенная девушка, а если ты будешь это отрицать, получишь тумака.

– Знаешь, в чем преимущество слепоты? – спросил я после непродолжительного молчания.

– И в чем же?

– Для меня все девушки выглядят на десять из десяти.

Ярик смеялся долго и заразительно.

* * *

Однажды я проснулся незрячим.

То утро никогда не выветрится из памяти, сколько бы лет ни прошло. Помню, как открыл глаза и долго не мог понять, где нахожусь, – тьма, сгустившаяся вокруг, была совершенно непроницаема, словно кто-то залил глазные яблоки гудроном, пока я спал. Потом был путь на ощупь до ванной, где я мучительно долго мыл глаза, тер их, мял как безумный, все глубже погружаясь в пучину беспросветного отчаяния. Чернота никуда не уходила. Мир в одночасье обернулся крайне враждебным и опасным местом...

Позже было обследование в краевом глазном центре, где врачи сообщили, что видеть я больше не буду. Лопнула какая-то важная перемычка в мозгу, случился микроинсульт, стремительная атрофия зрительного нерва вследствие кислородного голодания... в общем, непредсказуемая и совершенно случайная аномалия, сломавшая мою жизнь.

Врачи сказали, что вероятность подобного – один случай на десять миллионов.

И вот они мы – слепой парнишка, едва успевший окончить университет, и его брат, молодой ученый, дописывающий диссертацию об эхолокации в системах компьютерного зрения. Двое в родном городе, из которого постепенно разъезжались все друзья и знакомые в поисках лучшей жизни где-то в столицах. Всего три года как похоронившие мать – единственного близкого человека.

Черт его знает, как я протянул эти пять лет.

Дни слепых тянутся долго и однообразно. По первости потерявший зрение человек беспомощен, подавлен и психически нестабилен. Самая простая бытовая мелочь превращается в неразрешимую задачу. Необходимость выйти из дома вызывает животный ужас. Уныние, апатия и пессимизм отравляют жизнь окружающим.

Страшно представить, что переживал мой брат, взваливший на себя эту ношу.

Постепенно, конечно, привыкаешь – на первый план выходят слух, осязание и обоняние. Чувства обостряются. Начинаешь вновь познавать мир вокруг. Все приходит в подобие нормы. Теперь это – твоя жизнь.

Навсегда.

Скрипнули тормоза, вырывая из печальных воспоминаний. Прибыли.

Ярик привел меня домой и умчал к своей пассии – то ли увлеченной им, то ли просто флиртующей с научным руководителем аспирантке, – оставив наедине с аудиокнигами, полным холодильником и журналами, набранными шрифтом Брайля. Ах да, и с прототипом голового помощника для слепых – «Ниной», которая ловко определяла положение стен и воображала фантомных людей.

После столь насыщенного дня о сне не могло быть и речи, есть тоже не хотелось, и я нацепил на нос Яриков прототип.

– *Загрузка системы...*

Не знаю, чем закончатся похождения Ярика с его аспиранткой, но в одном я был точно уверен – нас с Ниной ожидали длительные и близкие отношения.

Я прошелся по квартире, знакомой вдоль и поперек. Нина безошибочно нашла телевизор, кухонный гарнитур и стиральную машину. Указала на балконную дверь. А потом, когда я собирался вернуться в комнату, сообщила:

– *Женщина на двенадцать часов. Расстояние – полтора метра.*

Я вздрогнул.

Одно дело – слушать рассуждения о багах программы от Ярика, стоя рядом с ним в коридоре НГУ. Другое – в одиночестве, в кромешной тьме тесной квартирki слышать тихий голос в наушнике, утверждающий:

– *Женщина на двенадцать часов. Расстояние – один метр.*

В тишине тикали настенные часы.

– Кто здесь?

Собственный голос показался мне чужим. Рука, вытянутая вперед, медленно ощупывала пустоту.

Если пальцы коснутся чего-нибудь – я закричу.

– *Женщина на одиннадцать часов. Расстояние – полтора метра.*

Фантом ускользал в коридор. Я шагнул следом, ведя рукой вдоль стены (трость осталась в комнате). Нина монотонно бубнила в ухо:

– *Стена на два часа, расстояние – полметра. Стена на десять часов, расстояние – полметра. Женщина на двенадцать часов, расстояние – два метра. Дверь на одиннадцать часов, расстояние – два с половиной метра.*

Что бы это ни было, оно удалялось ко входной двери. Я сделал еще пару шагов, миновал комнату и остановился. Нина сообщила, что видит дверь прямо передо мной. Я ждал.

Дом жил своей жизнью – этажом выше кто-то смотрел телевизор, приглушенно ругались женские голоса. В подъезде за дверью ничего не происходило, и прихожую наполняла вязкая тишина, настолько густая, что я слышал шорох статики в наушнике. А потом Нина сказала:

– *Перед вами – женщина.*

На какой-то миг мне показалось, что я чувствую чужое присутствие. Сердце пропустило удар, ноги предательски дрогнули.

– *Перед вами – женщина.*

Внезапно я понял:

– Мама?..

* * *

Мне было семнадцать, когда мы крупно разругались.

Она мечтала, чтобы я шел по стопам брата, уже в те дни подающего большие надежды, – я знал, что никогда не стану ученым, хотя готовился к поступлению в тот же университет, что и Ярик. Меня тошнило от разговоров за ужином о том, чем он там занимается. От высшей математики, нейросетей и прочих генетических алгоритмов так и веяло нудной, сложной и утомительной работой. В семнадцать меня больше интересовали девчонки, компьютерные игры и фильмы ужасов, и пусть найдется хоть кто-нибудь, способный бросить в меня за это камень.

Последней каплей стал ее запрет отправиться с ночевкой к новому приятелю. Тот жил в коттедже: намечалась крутая тусовка. Впереди были все выходные. Я знал, что девочка, которая мне нравилась, тоже приглашена, и это был один из тех шансов, которые выпадают не так часто. Но мама не хотела и слушать об этом. Как же так – прохлаждаться всего за три месяца до экзаменов? Тем более неизвестно с кем...

Спор быстро вышел из-под контроля. Мы орали друг на друга, стоя в коридоре: я обвинил ее в эгоизме, она меня – в безалаберности и лени. Я психанул, назвал ее сукой и ушел, хлопнув дверью.

Это были последние слова, которые мама услышала от меня.

Тем же вечером ее насмерть сбил какой-то лихач, когда она спустилась в магазин, чтобы купить подсолнечного масла.

Позже, когда слепота поразила меня, я не раз думал, что это – моя кара. За то, что смеялся, жрал чипсы и обжимался с девчонками в тот самый момент, когда мать с перебитым позвоночником умирала у ледяного бетонного бордюра...

– Мама?..

– *Перед вами – дверь.*

– Мама, подожди!

Я бросился в комнату, наткаясь на мебель. Преболно ушиб локоть, но даже не заметил этого. Нашупал трость, прислоненную к столу, сдернул теплую кофту со спинки стула. Обулся, игнорируя подсказ в наушнике, едва не выронил связку ключей, выбрался в подъезд.

Интуиция не подвела – стоило повернуться, как Нина бесстрастно сообщила:

– *Женищина на двенадцать часов, расстояние – два метра.*

Фантом удалялся, уплывая вниз по лестнице. Я двинулся следом, простукивая тростью ступеньки. Одним махом миновал три пролета, нашел кнопку магнитного замка и оказался на улице. Холодный сентябрьский воздух забрался под кофту. Во дворе было тихо, лишь где-то вдалеке шумело скоростное шоссе.

– *Женищина на одиннадцать часов. Расстояние – четыре метра.*

– Кто-нибудь слышит меня?

Темнота безмолвствовала. Я шагнул вперед, ударяя тростью по асфальту. Фантом ждал, вероятно, в конце подъездной дорожки. Как Ярик мог счесть это программной ошибкой? Такое поведение не могло быть случайным...

Она вела. Она хотела что-то показать мне.

Наш дом стоял на отшибе, сразу за ним начинался лес. Если свернуть направо, через полтора километра будет один из корпусов НГУ. По прямой, рано или поздно, можно было уткнуться в водохранилище. По левую руку располагался ботанический сад. Когда-то я знал эти места как свои пять пальцев.

Ботанический сад облюбовали спортсмены и собачники, возле университета всегда было полно студентов. Лесок, карабкающийся на холм, оставался менее исхоженным. В начале девяностых там начали строить еще один корпус, но что-то с ним не заладилось, и с тех пор пустой бетонный остов мертвого здания торчал среди деревьев, медленно разрушаясь.

Фантом... нет, *призрак матери* удалялся в лес, и я пошел следом, будто крыса за звуками дудочки.

И прежде чем сообразил, что делаю, забрался уже далеко.

Когда ты слеп, расстояния скрадываются. Кажется, что шагал целую милю, а на деле не прошел и ста метров, или наоборот – думал, что кружил по округе, а сам утопал невесть куда. В городе хорошими ориентирами служили дома и дороги, в лесу же оставалось полагаться только на собственные чувства.

Воздух пах влагой, мхом и палыми листьями. Тропинка под ногами, то и дело пересекаемая корнями деревьев, поднималась в горку. Нина засекала деревья справа и слева, но как-то неуверенно, сбиваясь на неопределенные «объекты», из чего я заключил, что вокруг совсем стемнело. Фантом то появлялся, то исчезал на расстоянии пяти-шести метров впереди, и я упорно шел следом. Стоило остановиться и подумать, но нахлынувшие горькие воспоминания заглушили голос рассудка.

Я размышлял, как наладить контакт. Весь вопрос был в том, могли ли они *слышать*. Нина определяла движения фантомов; если предложить, чтобы шаг влево означал «да», вправо – «нет»... как-то так, тогда...

Путь перегородило что-то массивное. Вытянув трость, я несколько раз ударил по твердому скругленному предмету, повисшему на уровне груди.

Да это же бетонная труба перед заброшенным корпусом!

В памяти всплыли обрывки воспоминаний: мы с Яриком прячемся в трубе, воображая, что старый недострой кишит инопланетными монстрами и наша боевая задача – найти огневую точку и отстреливать вражеских офицеров...

Я согнулся, пробираясь под трубой. Нина шепнула в ухо:

– *Женищина на два часа, расстояние – три метра...*

Впереди чувствовалось скопление большой холодной массы. Где-то там возвышалось среди деревьев заброшенное здание. Зачем мать хотела привести меня сюда?

Трость путалась в пожухлой траве и палых листьях. Здесь дурно пахло – прелой листвой, землей и чем-то еще – сладковато-гнилостным, тошнотворным и невыразимо отвратительным. Спереди доносилось еле слышное жужжание, будто мухи кружили над навозной кучей. Я неуверенно шагал вперед, все больше ощущая, что все это – одна большая ошибка. Хотелось позвать, но было страшно нарушить тишину. И внезапно я понял, что гораздо больше боюсь другого – что кто-то ответит мне из темноты.

Азарт и надежда быстро улетучивались, уступая липкому страху.

Вот он я – слепой паренек, стоящий у недостроенного бетонного дома посреди ночного леса, и никого вокруг, лишь тихий голос в наушнике, нашептывающий:

– *Женщина перед вами... на одиннадцать часов – стена... расстояние – восемь метров.*

Зазвонил телефон, заставив меня подскочить от испуга. Я совершенно забыл о нем, болтающемся на шнурке под одеждой, куда бы я ни направлялся. Маленький, почти невесомый гаджет с клавишами для слепых и функцией родительского контроля...

– Миша, ты куда утопал? Ночь на дворе...

– Ярик, – меня затопила волна облегчения. – Я у старой заброшки в лесу...

– Чего-о? – поразился он. – Ты что там делаешь?

– Долгая история...

Нина что-то сказала в другое ухо, но я не обратил внимания.

– Ну ты даешь, брат. Оставайся там, я сейчас за тобой приеду. Надеюсь, подъездную дорогу не перекопали...

Он отключился, и я снова услышал тихое бормотание наушника:

– *...преди. Перед вами четыре женщины.*

Сердце ухнуло в пропасть. Я взмахнул тростью, пронзая пустоту.

– *Расстояние – один метр... Расстояние – два метра...*

Фантомы отлетели прочь и закружились хороводом – Нина не успевала называть расстояния. Я подошел, унимая дрожь в коленях. Жужжание усилилось. На запястье села муха и тут же унеслась прочь.

Нина продолжала что-то говорить, но я уже понял, куда мне пытались указать.

Сырая земля уходила под уклон, в глубокую канаву у основания бетонной стены. Вонь здесь становилась сильнее. Наконечник трости шарил в опавших листьях, зарываясь все глубже, пока не коснулся чего-то мягкого, податливого. Я вытащил трость и опустился на колени. Разворошенная листва остро пахла влажной гнилью, и откуда-то снизу пробивался тошнотворно-сладкий запах тухлятины, от которого болезненно сжимался желудок. Как гипнотизированный, я продолжал перебирать слипшиеся комки, отшвыривая в сторону скользкое, холодное, зарываясь все глубже, пока пальцы не нащупали что-то вроде мешка... нет... куска ткани. Я провел рукой, ощупывая находку, обнаружил кругляш с перекрестьем посередине. Монетка? Нет... да это же пуговица! А вот и еще одна...

Рука двигалась вдоль прошитого края плотной материи. Пальцы покрылись чем-то влажным и липким. Мокрые листочки налипли на тыльную сторону ладони. Я нащупал длинное, выющееся – сложенную сетку? Или...

Указательный палец коснулся твердого края, нырнул внутрь, погружаясь в вязкое, слабо шевелящееся. Что-то осторожно, почти нежно коснулось кожи. Под подушечкой происходило движение. Большой и безымянный пальцы прошли по краям, ощупывая почти правильную окружность, вторая ладонь обнаружила ниже провал с торчащими резцами – и через мгновение картинка сложилась.

Человеческий череп!

Я завопил, выдергивая палец из глазницы, и, пошатнувшись, завалился на спину. Сердце колотилось как бешеное. По запястью что-то ползло. Пальцы нащупали толстого извивающегося червяка, отшвырнули прочь. Внутренности скрутило, и я едва не вывернулся наизнанку, думая о том, чем перемазаны руки.

В канаве, заваленный прелыми листьями, лежал труп.

Я сел, пытаюсь совладать с дрожью. Вытер ладони о штанины, провел рукой по земле вокруг себя, отыскивая отлетевшую трость, нащупал ремешок и продел в него запястье.

– *Перед вами – четыре женщины.*

Голос Нины заставил меня подскочить.

Четыре женщины. Боже мой!

Вероятно, все где-то здесь, в яме, среди листьев и мусора...

Я отползал дальше, чувствуя предательскую слабость. Эти фантомы... мы контактировали еще в здании НГУ, и с тех пор одна из них пыталась привлечь мое внимание. Вовсе не мать, как подумалось сначала. Одна из пропавших девушек...

Издалека донеслось ворчание автомобильного мотора. Не успел я вздохнуть от облегчения, как в душу закралось страшное подозрение. Слишком быстро, он бы не успел...

Это не был тихий ровный гул Яриковой «тойоты». Автомобиль, среди ночи подъезжающий к заброшенному зданию в лесу, поскрипывал, фыркал и дребезжал. Рычащему двигателю явно требовался капитальный ремонт.

Согнувшись в три погибели, я неслышно вскарабкался к стене заброшки и замер, вжавшись в холодный бетон. Неизвестный автомобиль остановился где-то рядом, в десятке метров от места, где в канаве гнили убитые девушки. Водитель заглушил двигатель. Скрипнула дверца.

Может быть, кто-то уже обнаружил их, вызвал сюда полицию, и...

В тишине послышалась какая-то возня, затем до меня долетел протяжный стон, а за ним – глухой удар.

– Заткнись, сука!

Голос заставил затрепетать. Я уже слышал его... но где?

Что-то увесистое упало на землю. Послышался шуршащий звук – словно волокли мешок с картошкой.

Хватаясь рукой за стену, я начал медленно отступать в сторону.

Через несколько шагов пальцы угодили в пустоту. Что это – окно? Или дверной проем? Я повел ногой, нащупывая угол стены. Кажется, все же дверной проем... Наверное, тот самый, сквозь который мы лазили в недостроенный корпус, когда были мальчишками. Рука шарила позади, пытаюсь определить ширину прохода. Если он завален...

А потом совсем рядом знакомый голос с хрипотцой произнес:

– Мишка? Ты чего тут делаешь?

Паническая атака пригвоздила к месту, ширясь подобно взрыву газа. Мышцы свело невероятно острым чувством собственной незащитности.

Должно быть, он оставил фары включенными, потому что в наушнике ожила Нина, коротко сообщившая:

– *Пальч на один час. Расстояние – четыре метра.*

Я застыл перед ним, словно муха, пришипленная к обоям, не в силах пошевелиться. Где-то там, всего в нескольких метрах, стоял охранник с пропускного пункта НГУ, совсем недавно приветливо простившийся с нами. Человек, рядом с которым обнаружился первый фантом. Приехавший среди ночи к яме с трупами пропавших девушек, вместе с...

О боже!

Что-то с глухим звуком швырнули наземь. Он понял, что я понял.

– *Пальч на один час. Расстояние – три метра,* – предупредила Нина.

– Мишка, ты заблудился? Давай-ка я выведу тебя отсюда.

Я попятился. В правую лопатку уперся бетонный угол.

– Палыч на двенадцать часов. Расстояние – полтора метра.

– Давай руку, не то свалишься в канаву...

Пальцы сжали сделавшуюся влажной рукоять трости. Обостренный слух уловил еле слышное шуршание отточенного лезвия, извлекаемого из ножен.

– Расстояние – один метр...

Рванувшись, я выстрелил тростью перед собой, целя на звук тяжелого дыхания. Наконец уткнулся во что-то мягкое, провалился, и Палыч взревел от боли.

Выдернув трость, я повернулся и нырнул в проем.

В спину ударили бешеные вопли.

– ГЛАЗ! МОЙ ГЛАЗ! АХ ТЫ, МЕЛКИЙ УБЛЮДОК!!!

Колено взорвалось болью, налетев на невидимое препятствие. Вскрикнув, я повалился в пустоту, инстинктивно прикрывая голову, прокатился по полу, чувствуя, как сквозь кофту в спину впиваются осколки битых бутылок, зажал ушибленную ногу. Коленная чашечка пылала огнем. Каким-то чудом крепкая оправа удержала очки на носу.

– СУКИН СЫН! Я ТЕБЯ ПРИКОНЧУ!

Превозмогая саднящую боль, я пополз в сторону, пока не наткнулся на стену. Придерживаясь, поднялся, припадая на правую ногу. Где-то здесь должен быть коридор...

От удара сочленения трости сложились. Взмахом руки я распрямил ее. Ремешок впился в запястье.

– *Массивный объект на два часа, расстояние – три метра.*

– ТЕБЕ НЕ СПРЯТАТЬСЯ ОТ МЕНЯ, СЛЕПОЙ ЗАСРАНЕЦ!

Голос эхом отозвался от бетона – Палыч был внутри. Я припустил вперед со всей возможной скоростью, выставив трость. Пальцы скользили по шершавой стене.

Тяжелые шаги захрустели по битому стеклу. Затихли.

– Выходи, Мишка, и все закончится быстро, – донеслось сзади. – Дядя Вадим не сделает тебе больно, как этим нехорошим девчонкам.

Ладонь напоролась на острый штырь, неожиданно возникший на пути, и я закусил губу, подавляя рвущийся крик. Языком приложил рваную рану, горькую и железистую на вкус. Горячая капля спустилась по запястью и заползла в рукав кофты.

За спиной загремели шаги преследователя.

– *Впереди массивный объект, – доложил бесстрастный голос Нины. – Расстояние – три метра. На два часа – окно. Расстояние – два метра.*

Окно оказалось дверным проемом. Видимо, здесь, во внутренних коридорах заброшенного здания, было совсем темно, и Нина ориентировалась по локатору. Я юркнул за угол, сжимая в кулак кровоточащую руку. Замер, прижавшись к холодному бетону.

Палыч пронесся мимо, бормоча ругательства, а потом звучно впечатался в стену.

Наверное, у меня был шанс проскочить мимо него и ускользнуть – путь назад был более или менее известен, но момент оказался упущен.

Из-за угла донеслась отборная ругань.

– Подожди немного... Сейчас подсветим, и тогда... А, ЧТОБ ТЕБЯ!

Палыч грохнул чем-то об пол. Мелкой дробью застучали разлетевшиеся осколки.

– Вот ведь везучий сукин сын! Ну ничего, долго не побегаешь...

Захрустели шаги. Должно быть, он разбил телефон, когда врезался в стену, и теперь остался без источника света. Хорошо...

Я двинулся прочь, стараясь не издавать ни звука. Порезанная ладонь болезненно пульсировала, колено, казалось, вот-вот развалится на части. Совсем рядом топал ножищами Палыч, и ледяные мурашки бегали по коже – еще миг, и острое лезвие вонзится в незащищенную

спину... нестерпимо хотелось бежать, хотелось оказаться как можно дальше отсюда, но любая ошибка могла стать фатальной.

В углу обнаружился еще один проход. Если чувство направления не подводило, он должен был вести куда-то вглубь здания – туда, где свет луны не мог дать Палычу преимущества. В крошечной тьме он был так же слеп, как и я, – и даже больше...

Носок ботинка угодил в пустое ведро или банку, стоящую на полу, и она покатилась с громким жестяным стуком. Я отшатнулся, приложившись боком о стену, ушиб плечо, но устоял на ногах. Нина шепнула, что у меня есть четыре метра до следующего массивного объекта – и я нырнул вперед словно в омут. Локаторы прототипа не обманули.

Комнату огласило тяжелое сопение: Палыч спешил на звук. Его шаги стали более осторожными и неуверенными.

Неожиданно нога ухнула в пустоту. Вскрикнув, я взмахнул руками, повторно ободрал кожу на израненной левой ладони. Ботинок провалился в неглубокую нишу, невесть откуда оказавшуюся в полу, – и тут очки слетели-таки с носа, повиснув на проводке наушника. Неловкое движение руки – и Яриков прототип улетел куда-то в сторону.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – раздалось где-то совсем близко. С протяжным скрежетом проскользило по бетону лезвие.

Выпростав ногу из дыры, я успел откатиться и пополз, не смея вдохнуть. Сердце заходило в бешеном ритме – казалось, вот-вот на его оглушительный грохот из темноты обрушится удар ножа. У дальней стены я замер, подтянув ноги к подбородку.

Тяжелые шаги прошаркали в полуметре. Бетонные стены тесного коридора рождали эхо, дезориентируя и сбивая с толку. Звучно хрустнула под ногами пластиковая оправа.

– Ну где ты, бесеныш, – нетерпеливо шипел Палыч. – Бесконечно убежать не получится... Чертов поганец. Ты сделал мне о-о-о-очень больно.

Шаги удалялись. Вытянув руки, я нащупал проем в стене и подтянулся, затаскивая себя внутрь. Шорох волочащегося по полу тела показался оглушительным, но бормочущий проклятия Палыч, видимо, не успел сориентироваться.

Трость за что-то зацепилась, и после нескольких отчаянных попыток высвободиться из ловушки я стянул ремешок с запястья и бросил ее.

Это помещение было больше предыдущих – отчетливо чувствовался ток холодного воздуха, стелющийся по полу. Пахло сыростью. Возможно, где-то рядом был второй выход или окно...

Паника накатила удушающей волной. Если Палыч сможет видеть, преследование окончится очень быстро. Я полз спиной вперед, готовясь лягаться, отбиваясь, как только зазвучат приближающиеся шаги...

Рука ухнула в пустоту, выбив из равновесия. Затылок преобильно приложился об пол. Я замер, балансируя на краю непонятной пропасти, невесть откуда взявшейся вместо стены. Рука шарилась вверх-вниз, пытаюсь определить границы, и ничего не могла нащупать. Между тем дуло именно отсюда. Несколько секунд спустя я сообразил.

Это же шахта лифта!

– Ты, наверное, придумал себе невесть что. – Палыч нашел вход в залу. Я не двигался, обратившись в слух. Если он пойдет на меня...

Шаги хрустнули пару раз и смолкли. Он стоял у входа, не думая приближаться.

– Я бы на твоём месте тоже струхнул. Но все не так, как ты думаешь, Мишка.

Видимо, свет все же не проникал сюда. Я принялся отползать, ощупывая каждый камешек позади.

– Это были плохие женщины. Очень плохие! Ты даже не представляешь, насколько. Кто-то должен был это сделать...

Спина уткнулась в стену. Я медленно поднялся, ведя пальцами здоровой руки по бетону. Нашупал угол. Судя по всему, из залы не было другого выхода.

– А я сгруппировался, конечно, ей-богу, – звук голоса стал чуточку ближе. Неслышно ступая, Палыч выходил на середину залы. – Нужно было закончить свои дела и просто уехать – ты же все равно ни хрена не видишь... Но вот незадача, не успел сообразить. Никогда мне не везло, Мишка... Хотя сегодня больше не повезло тебе.

Я начал медленно пробираться вдоль стены, обходя его по широкой дуге. Еще немного – и получится проскользнуть мимо, к выходу.

Тишину разорвала звонкая мелодия.

Телефон!!!

Я рванул за шнурок, выпрастывая гаджет из-за шивороты – *отшивырнуть прочь!* – когда выстреливший из ниоткуда удар угодил в голову, сбивая с ног. На миг сознание помутилось. Телефон продолжал звонить, где-то бесконечно далеко. Раздался торжествующий крик Палыча:

– Попался!

Новый удар пришелся по ребрам, выбивая дух. Во тьме чиркнуло по бетону лезвие, а потом запястье взорвалось адской болью, когда невероятная тяжесть опустилась на руку. Хрустнули кости.

Я завопил.

Тяжесть исчезла.

– Получай, ты, мелкий...

Очередной удар не случился – мазнув по лицу, подошва улетела куда-то вбок. Палыч вскрикнул, теряя равновесие, заваливаясь вперед. Вторая нога запнулась о мое распластанное на полу тело, и массивная туша с воплем ухнула вниз. Я скрючился на краю, ощущая близость невидимой пропасти.

Снизу раздался глухой удар.

Раздавленное запястье превратилось в пылающий очаг боли. Подавляя стон, я нашупал каким-то чудом уцелевший телефон, нашел кнопку принятия вызова.

– Ярик...

– Миша, ты где?! Тут связанная девушка, и... черт побери, ты в порядке?

– Нет, – выдохнул я, баюкая поврежденную руку. – Нет, но не переживай. Все будет хорошо.

* * *

Канавка у недостроенного корпуса оказалась глубокой ямой, доверху заваленной строительным мусором, землей и палыми листьями. После тщательных раскопок полиция обнаружила восемь трупов разной степени разложения. Первым четверем было по меньшей мере несколько лет. Из-за длительных периодов между исчезновениями их и не думали связывать в серию.

Впрочем, наказывать оказалось некого. Доха Вадим Павлович, маньяк-насильник, был найден мертвым на дне шахты лифта в заброшке, совсем недалеко от своих жертв. Улики, обнаруженные в его квартире, доказывали причастность бывшего охранника НГУ к совершенным убийствам.

Уцелевшую девушку, спасенную моим появлением в лесу у заброшки, звали Надеждой. Неожиданно для меня мы неплохо сошлись за время, пока велось следствие. Она училась в магистратуре на физика-ядерщика, всего в двух кварталах от нашего дома, и иногда забегала поболтать.

Ярик, собирающий новую версию помощника взамен уничтоженного первого прототипа, вовсю подкалывал меня, поздравляя с завоеванной красоткой. Остряк... Я всякий раз пожимал плечами и улыбался. У Нади нежный мелодичный голос, и ее общество действительно было мне приятно. Что же до внешности – я уже говорил брату свое мнение по этому поводу.

Есть такая особенность у слепых. Для нас каждая девушка выглядит на десять из десяти.

Оксана Ветловская Дела Семейные

* * *

Отец не любил рассказывать, что случилось с его вторым братом. Но еще в детстве из разговоров взрослых Николай узнал, что Гриша («другой папин брат») пропал без вести.

«Второй, другой» – так говорилось, потому что было их трое мальчишек-близнецов, не было среди них младших и старших. В объемистом семейном архиве обкомовца Язова почему-то сохранилась лишь пара фотографий, где все его три сына были вместе: будто клонированные в фоторедакторе, которого ждать еще полвека. Одинаковые улыбки, одинаковые проборы, даже складки на мешковатых шортах по моде 50-х – и то одинаковые. Надо было как следует присмотреться, чтобы заметить между мальчиками разницу. Гриша был самым тощеньким и на обеих фотографиях стоял несколько на отшибе.

Снимки Николай обнаружил, когда занялся расхламлением квартиры. Квартира ему досталась в наследство – бабушка, перед смертью в свои девяносто с лишним лет, оставаясь, впрочем, до самых последних дней в сознании до жути ясным, записала квартиру на единственного внука. Не на отца, так и жившего с матерью в однушке-малометражке, которую им когда-то сообща организовала мать родня и где прошло Николаево детство. Не на дядю Глеба, мотавшегося по общежитиям, а может, в очередной раз «присевшего». Именно на Николая.

На своей памяти Николай был вообще единственным, кого бабушка признавала из своей малочисленной родни. «Николашечка» – эту карамельную вариацию своего имени он не выносил до сих пор. Лет аж до двадцати, хочешь не хочешь, Николай в обязательном порядке должен был провести у бабушки выходные. Он, вроде важной посылки, доставлялся отцом до порога (мать к бабушке не ходила никогда) и всю бесконечно длинную субботу и такое же длинное и тоскливое воскресенье обретался в громадной, как череда залов правительственных заседаний, и загроможденной, как мебельный склад, четырехкомнатной квартире на последнем, двенадцатом этаже неприступной, похожей на донжон, серой «сталинки» с могучим черным цоколем, не растерявшей своей внушительности даже на фоне новых многоэтажек по соседству.

Дом был архитектурным памятником федерального значения и композиционным центром «жилкомбината» – комплекса жилых зданий, построенных в тридцатые специально для чиновников из областного правительства. При взгляде на чугунные ворота, перегородившие по-царски монументальную арку, легко можно было представить выезжающие со двора злоеющие «воронки». А они-то сюда точно приезжали, причем именно за арестованными: комплект здешних советских царей не раз менялся и вычищался самыми радикальными мерами. Деду Николая, Климу Язову, второму секретарю обкома КПСС, невероятно повезло: его не коснулись никакие чистки.

Бабушка (судя по фотографиям, в молодости очень красивая – яркой, но несколько тяжеловесной, бровастой казацкой красотой) была младше мужа лет на двадцать. Тем не менее в семье заправляла именно она. Сыновья перед ней трепетали. Отец, передавая Николая бабушке, ни разу не переступил порог квартиры. Дело было в том, что отец находился у бабушки в немилости с тех пор, как женился «на этой лахудре драной, твоей, Николашечка, матери». А женился он очень поздно, ему уж за сорок было. До того тихо жил в угловой комнате наверху сталинского донжона, бывшей своей детской, писал научные статьи про советских литературных классиков, получил кандидата, потом доктора филологических наук и был «хорошим мальчиком», куда не влюбился в одну свою студентку – мать Николая. Брат отца,

Глеб, к тому времени из семьи выбыл давным-давно, вроде как сам сбежал еще в студенчестве, бросив заодно с родными пенатами и вуз, в котором тогда учился. Бабушка про дядю Глеба вовсе не хотела слышать, только плевалась.

У бабушки маленький Николай изнемогал от скуки: дома был видеомэгнитофон, игривый рыжий кот, музыкальный CD-проигрыватель и нормальные книги, а в бабушкиных хоромах имелась лишь радиоточка, иногда вещающая насморчным голосом что-то неразборчивое, будто отголоски заблудившихся передач полувековой давности, со снотворными радиоспектаклями и унылым брэнчанием рояля, да черно-белый телевизор, показывавший лишь два канала с новостями, перемежающимися рекламой. Был еще никогда не включавшийся проигрыватель грампластинок, у которого Николай иногда тайком от бабушки вращал пальцем диск, приподнимая тяжелую прозрачную крышку.

И конечно, всюду, даже в коридоре и на кухне, стояли громадные шкафы с центнерами книг. Книги эти были нечитабельны. Недаром на корешках многих из них, в черных липких обложках, было написано лаконичное предупреждение: «Горький». Было еще много чахоточно-зеленых книг с кашляющей надписью «Чехов», толстенные серые тома закономерно назывались «Толстой», полно было разнокалиберного «Пушкина» – в общем, профессору литературы, автору многих монографий Людмиле Язовой так и не удалось привить внуку любовь к классике, а отец, тоже литературовед и профессор, даже не пытался.

Самым интересным для маленького Николая оказались многочисленные шкафы с одеждой. Все они были заперты, и открывать их строго-настрога запрещалось, но однажды Николай подсмотрел, в каком ящике комода бабушка держит ключи, принес из дома игрушечный фонарик на слабенькой батарейке и стал играть в исследователя пещер, он даже знал, как эта профессия называется: спелеолог. Под коленками хрустели и проминались залежи картонных коробок с обувью, что не носилась уже десятки лет, лицо шершаво трогали полы тесно развешенных пальто. В шкафах было таинственно и чуть страшновато.

Наиболее привлекательным для игры был встроенный, выкрашенный масляной краской в тон серым косякам, шкаф в конце коридора, трехстворчатый и высоченный, переходивший в недосыгаемые антресоли. Николай долго не мог подобрать к нему ключ, а когда наконец удалось, перед ним открылась почти настоящая пещера, глубокая, с тремя рядами многослойной одежды на плечиках и какими-то дремучими сундуками внизу. Николай шагнул внутрь и прикрыл за собой дверцу, чтобы бабушка ничего не заметила. Замок тихо щелкнул, но Николай не обратил на это внимания – ключ-то был у него – и полез в недра шкафа. Фонарик светил очень тускло: садилась батарейка. Казалось, прошло много времени, прежде чем Николай добрался до задней стенки. Воняло здесь так, что слезы на глаза наворачивались: вездесущим нафталином от моли. У бабушки никогда не водилось ни моли, ни тараканов, ни клопов: любая живность избегала этой сумрачной, невзирая на огромные окна, квартиры, но бабушка все равно регулярно раскладывала свежие нафталиновые брикеты из своих запасов и ловушки для тараканов, брызгала дихлофосом в вентиляцию, забираясь по стремянке, так что в ванную и на кухню потом невозможно было зайти. Николай расчихался от шкафной вони – и тут фонарик погас: батарейка окончательно издохла.

В крошечной темноте, путаясь в свисающей одежде, оступаясь на коробках, Николай полез в сторону выхода. Стукнулся об окованный угол сундука, заскулил: очень больно. К тому же захотелось в туалет. А дверь шкафа все не находилась. Кругом лишь топорщились жесткие полы старого шмотья, припасенного будто на целую роту, да ноги путались в сваленных как попало заскорузлых сапогах и калошах. Хныкая, Николай рванулся вперед и уперся в стену. Пошел вдоль нее, чудовищно долго перелезая через коробки и сундуки (мочевой пузырь уже едва не лопался), и тут выяснилось, что дверь шкафа заперта и ключ не вставляется: с обратной стороны скважины в замке не было. Наказывала бабушка сурово – могла и в угол поставить, и обеда лишить, и дедовым офицерским ремнем всыпать, но делать-то нечего. Николай стал со

всей силы колотить в дверцы шкафа и кричать. Никто не отзывался. Время шло. Сначала он отбил кулаки и пятки, затем охрип от воплей и плача, и в конце концов обмочился.

Сколько он тогда просидел в шкафу, осталось неясным. От духоты и вони начала кружиться голова. Именно тогда Николаю почудилось, будто он тут не один – тьма словно зашевелилась, повеяло затхлостью и плесенью, что-то отчетливо зашуршало в глубине, закачались, задевая макушку, бесчисленные пальто, хотя Николай давно сидел замерев, сжавшись в комок, привалившись плечом к злополучной двери. Кажется, что-то прохладное дотронулось до его лодыжки. Николай почти потерял сознание от страха. Таким его и обнаружила бабушка, когда отперла шкаф, – грубо выволокла за шиворот и коротко, как взрослого, ударила кулаком в лицо, аж зубы лязгнули. Она была бледно-серой, с дикими глазами. В первый и последний раз Николай услышал от нее, филологини, мат.

– Ты что, совсем сдурел?!

С тех пор к шкафам в бабушкиной квартире Николай не подходил. И отчаянно протестовал каждое субботнее утро – ненавистное утро очередной «ссылки». «Я туда не хочу! Сам туда иди!» Отец вздыхал: «Семейные дела – это долг. Твой долг – навещать бабушку. Ее сердить нельзя». Мать не вмешивалась.

Николай часами сидел в углу дивана, на равном удалении от всех шкафов в гостиной, и пытался читать иллюстрированную энциклопедию про космос, но книга, такая увлекательная дома, здесь не затягивала. Подходил к окну, смотрел вверх высокого подоконника на улицу – в основном там было видно лишь небо, забранное решеткой. Решетки на окна бабушка заказала еще в самом начале девяностых – тогда ограбили соседей со второго этажа, залезли через окно, вынесли золото и документы. Едва ли какой-то сумасшедший акробат проник бы в квартиру через окна на двенадцатом этаже, но бабушка с тех пор боялась грабителей. Так появились эти толстые, частые, под стать тюремным, решетки и в придачу относительно новая входная дверь, тяжеленная, сварная, хоть на сейф ставь, запиравшаяся на три хитрых замка длинными ключами.

В этом жилище, способном выдержать осаду, Николаю всегда очень плохо спалось. До происшествия со шкафом его лишь донимала бессонница, а темнота, такая простая и уютная дома, здесь казалась враждебной, с непонятными поскрипываниями паркета и мебели. Ну а после происшествия ночь с субботы на воскресенье вовсе превратилась в пытку. Постоянно мерещились шорохи. Оба окна (спал Николай в бывшей отцовской комнате) не были зашторены: когда бабушка уходила, он тут же отдергивал портьеры. С озаряющим потолок йодисто-рыжим светом близкого проспекта темнота не была настолько нестерпимой. Но все равно в углах – особенно заметно было боковым зрением – что-то явственно шевелилось. Николай пялился туда до сухости в глазах, почему-то уверенный, что пока смотришь, то, что там копошится, не нападет. Засыпал он под утро, когда с проспекта доносились трамвайные трели, а тьма в окнах истончалась до предрассветного сумрака. И каждое воскресенье проходило в отупении от недосыпа.

В первые недели после случая со шкафом Николай умолял бабушку, чтобы та завела котенка или щенка, да хоть морскую свинку – отчего-то казалось, что в присутствии беззаботного пушистого существа ночи перестанут быть такими тягостными. Однако бабушка терпеть не могла животных. «Ни за что! Грязи от них! Мебель попортят! Не вздумай притащить кого – в окно выброшу!» С неясным, но очень взрослым чувством, в котором восьмилетке не под силу было распознать раздражение наполоам с ненавистью, Николай оставил эту тему. Но однажды принес из дома отводок фикуса в горшке: бабушкины необитаемые подоконники с некрополями из громоздких статуэток, стопок пропылившихся «Октябрей» и мертвых настольных ламп нагоняли тоску. Через неделю Николай обнаружил растение засохшим и почерневшим, будто его специально выставили на мороз. Возможно, просто бабушка не закрыла на ночь окно, а к выходным здорово похолодало.

– Ты вообще что-нибудь любишь, кроме вещей? – спросил тогда Николай.

– Какой же ты неблагодарный! – оскорбилась бабушка. – В точности как твой отец! Я же все, все для тебя делаю!

Для единственного наследника семьи Язовых она делала и впрямь немало: поспособствовала тому, чтобы троечника Николая перевели из затрапезной школы в элитную гимназию, к старшим классам нашла отличных репетиторов для поступления в вуз.

Во времена студенчества стало проще: днем Николай учился, вечерами подрабатывал и на выходные приходил к бабушке отсыпаться. Детские страхи теперь казались глупостью. Впрочем, бабушкины шкафы Николай по-прежнему трогать остерегался. Он притаскивал ноутбук с играми и наушники – с таким оснащением «ссылка» сделалась вполне терпимой. Бабушка со своими причудами и горами старого барахла теперь выглядела скорее смешной, чем грозной. Ночами Николай спал и не видел никаких снов. До поры до времени.

– Может, тебе разменять этот ангар на что-нибудь более компактное? – как-то раз вечером сказал он бабушке, сетовавшей на пенсию и дороговизну лекарств. – Тут же одна коммуналка жрет прорву денег. А еще гнилые трубы. И потолок вон сыплется. Купили бы две нормальные двухкомнатные квартиры – одну тебе, другую родителям, а я б в однушке остался – пока самое то.

– Да ты сдурел?! – вскинулась бабушка. – Никогда я не продам эту квартиру, никогда! И ты не вздумай продавать! Это же наш дом! А дома, как говорится, и стены помогают...

Той ночью Николаю приснился жуткий многослойный сон. Будто кто-то тянет его за руку с кровати, он открывает глаза и видит: его кисть обхватывают две маленькие ладошки. Детские руки. С косо отрубленными запястьями, сросшиеся местами срезов. Николай судорожно стряхивает пакость, резко просыпается, садится на кровати. И слышит дробный мелкий топот, будто по коридору бежит что-то маленькое и многоногое. Появляются на пороге эти сросшиеся детские ручки, шустро перебирают по паркету бескровными пальчиками... Николай вздрагивает, мучительно просыпается, потирает глаза. И снова слышит в коридоре легкий проворный топоток. Он вскакивает, матерясь, выбегает в коридор – совсем рядом дверь кладовки, а в ней, помимо прочего хлама, есть большой строительный лом, валяется возле самого порога. Тяжелым стальным прутом с загнутым наконечником Николай что было силы бьет мелкую нечисть, отчетливо слышит хруст тонких пястных косточек – а что потом, выбросить в мусорку?! Однако дрянь не хочет умирать и вдруг прыгает ему на грудь. Николай просыпается в липком холоднящем поту, от ужаса и омерзения его подташнивает.

Тем утром он сразу запихал ноутбук в сумку, вежливо сказал ошарашенной бабушке «до свидания» («Да ты что, Николашечка, да ты куда?!») и вышел из квартиры. И не появлялся в ней больше десятка лет. Почему ему раньше не пришло в голову просто взять и уйти? Почему у него так поздно дало трещину это чертово гипнотическое повиновение взрослым? Конечно, отец негодовал, а бабушка без конца названивала по городскому телефону. Мать молчала. Двадцатилетний Николай усмехался, поводит раздавшимися плечами: «С меня хватит этих ваших семейных игр. Сами играйте. А у меня других дел полно».

На этом все вроде бы закончилось. Скоро Николай съехал в съемную квартиру, в которой не было городского телефона, из родни общался только с родителями и полагал, что тоже, как отец, попал у бабушки в немилость (ну и наплевать, детских ночных бдений во имя родственной любви ему хватило на всю жизнь вперед). Годы шли, здоровье бабушки ухудшалось. Отец неоднократно передавал Николаю ее просьбу навестить. «Бабушка хочет сказать тебе что-то очень важное». Николай вежливо уверял, что непременно навестит, но даже не думал выполнять обещание. Объявился пропадавший где-то много лет дядя Глеб, принялся обхаживать отца на случай, если тому бабушка завещает свою огромную квартиру (у обоих братьев были подозрения, что их непримиримая мать отпишет квартиру государству). Николай во все это

не вникал и даже на бабушкины похороны не пришел: как раз тогда, по счастью, улетел в длительную командировку.

Тем удивительнее было, что по бабушкиному завещанию квартира со всем добром отошла именно Николаю. Сначала он предложил родителям переехать из однушки, пожить, наконец, с размахом, но те, вполне ожидаемо, отказались наотрез. Не отцу же с матерью горбатиться, делая в этой дыре ремонт, рассудил Николай и выставил квартиру на продажу. Прошла уже пара лет, но, удивительное дело, охотников на жилье в самом центре не находилось – ни покупать, ни снимать. Возможно, потенциальных покупателей или съемщиков приводил в ужас потолок, с которого отваливались глыбины штукатурки. Возможно, пугал статус памятника архитектуры, из-за чего, даже чтобы поменять старые окна на современные пластиковые, нужно было пройти череду сложных согласований.

В квартиру Николай пришел перекантоваться, когда крупно поссорился со своей женой Ирккой. Они долго жили вместе, мирно и вполне счастливо, и тут Ирку угораздило начать пилить его на тему «давай родим ребенка». Никаких детей Николай не хотел.

– Слушай, ну тебе действительно так охота этот гемор? Двух котов недостаточно?

– Не то чтобы охота... но пора ведь. Время-то идет.

– И что?

– В старости жалеть будем.

– Да прямо уж. Тебе вот в самом деле хочется всей этой возни – таскать его в садик, в школу, воспитывать?

– А что такого?

– Ну вот он скажет: «Я не хочу в садик, там игры дурацкие. И в школу не хочу, сидеть пять уроков, свихнуться можно». А я ему скажу: «Ну и не ходи – ни в садик, ни в школу. Я и сам в детстве от всего этого говна чуть не спятил». И кто из него вырастет? Чтобы воспитывать, надо заставлять, понимаешь? А я даже котов заставить обрабатывать когтеточку вместо дивана не могу. Вопли, наказания. Не для меня вся эта тряхомудина.

– Не думала, что ты такой инфантил.

В общем, поссорились они всерьез. Ирка сказала, что пока хочет пожить одна, подумать, что делать дальше. Николай оставил ее в их съемной квартире, а сам пошел пожить в бабушкиной – может, хоть порядок там наведет, косметический ремонт сделает, глядишь, и найдутся на чертовы монументальные хоромы охотники.

Не то чтобы он совсем не переносил детей. Просто действительно терпеть не мог на кого-то давить. И еще при одном слове «детство» в его сознании раскрывалась череда загроможденных мебелью сумрачных помещений, и вонь нафталина с дихлофосом, и бесконечные ночи с вглядыванием в шевелящуюся тьму.

Первым делом Николай потратил несколько вечеров на то, чтобы вынести на помойку фантастическое количество старой одежды и обуви. Рассортировал книги, статуэтки и прочее барахло – что-то пойдет в антиквариат и букинистику, что-то на свалку. Вооружившись тем самым ломом из сна, с мстительным удовольствием разнес выгоревшие на солнце, просевшие шкафы во всех комнатах и отнес доски к мусорным бакам. Встроенный шкаф в коридоре пока оставил – на десерт. Расправляясь с жупелами своего детства, он, изумляясь самому себе, ощущал некое освобождение.

Вот тогда-то к нему и пришел дядя Глеб. Видимо, узнал от родителей, что Николай сейчас живет в бабушкиной квартире. Телефон в хоромы давным-давно был отключен, как и домофон, даже дверной звонок Николай не включал в розетку (на площадке, кроме бабушкиной, было только две квартиры, и обе необитаемые: жильцы-старички давно умерли, наследников не объявилось, а кровля там была в аварийном состоянии, и все не решался вопрос с реставрацией).

Так что Николай очень удивился, когда кто-то принялся барабанить в дверь. Дядя Глеб в свои семьдесят с лишним выглядел куда хуже отца – тощий, весь какой-то желтый. Хотя до сих пор они были похожи. Оба смахивали на актера Тихонова. Потому-то мать в отца когда-то и влюбилась: по стародавическим коридорам филфака курсировали лишь тетки, а тут вдруг такой Штирлиц. Тихоновская внешность досталась и Николаю.

– Хлам выкидываешь? – первым делом кивнул дядя Глеб на сваленные у порога туго набитые мусорные мешки. – Поверь, все дерьмо из этой квартиры вовек не выгребешь.

– Зачем пришел? – не слишком дружелюбно спросил Николай. Дядю Глеба он видел редко и знал плохо. Судя по скупым рассказам родителей, тот время от времени сидел за что-то в тюрьме. Видимо, в тюрьме же его ударили в горло заточкой: в артерию не попали, но повредили голосовые связки, из-за чего дядя Глеб не столько говорил, сколько сипел. Если честно, Николаю хотелось просто вытолкать его за порог.

– По делам семейным пришел, – ответил дядя Глеб, щербато улыбаясь. – Нехорошо, видишь, получилось. Тебе целая квартира досталась...

– Деньги, что ли, нужны? – скучно спросил Николай. – Вот продам я эту долбаную квартиру – отсчитаю тебе треть. Треть будет родителям, треть мне. Все честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.